

Часть третья Любовь цвета неба

Николя родился в горах Дагестана, в крохотном селе, примостившемся у самого края пропасти. Если подползти на животе и посмотреть вниз, в бездну, видно, как синие воды глубокой реки уносят печаль. Родной саманный дом был теплым и просторным, но мальчику хотелось играть на природе.

– Осторожно, Насух, – предупреждала бабушка Ула. – Заглядишься – утянет вниз...

В том времени Николя звали Насух.

– Почему? – удивился мальчик, которому едва исполнилось пять.

Каждый раз, когда он оставлял руины каменных башен на вершине горы и спускался в ущелье, к пропасти, его сердце начинало ликовать. Он испытывал необъяснимую радость, божественную страсть к реке, едва различимой с высоты.

– Будешь долго смотреть в пропасть – она влюбится в тебя и заберет у нас, – то ли шутила, то ли пугала старая Ула. – Что буду делать я без внука? Не ходи туда!

Ула казалась Насуху древней и неповоротливой. Она была частью их родной земли, незыблемым хранителем традиций и веры. Она помнила притчи о воинах, защищавших старинные крепости, и о смотрителях сторожевых

башен. В теплом длинном, до пят халате, бабушка таскала воду из колодца и хлопотала по хозяйству. Ее голову всегда покрывал белый платок, привезенный отцом из Мекки. Отца Насух видел редко. Всего несколько раз в год. Его приезд воспринимался как праздник. К нему долго готовились, резали барашка, накрывали столы.

– Вкусный шашлык! – хвалил отец.

Бабушка Ула ждала своего сына долгие месяцы. Она старалась его хорошенько накормить и рассказать новости, которые случались у самого неба: сколько кур пропало, много ли молока дает корова, что уродилось на грядках.

По традиции, Насух не мог заговорить с отцом первый или без разрешения поднять на него глаза. Выглядывая из-за полы бабушкиного халата, он терпеливо ждал, позовут его или нет. Это случалось редко. Всего два раза за пять лет. Поэтому оба раза Насух запомнил, а затем поведал о них пропасти.

В первый раз отец подозвал его, когда нужно было зарубить курицу для супа. Насуху исполнилось четыре года, и его брат Эльдар, приехавший с отцом откуда-то из нижнего мира, где круглый год была работа, сказал:

– Я в четыре года умел резать кур!

Эльдару исполнилось пятнадцать, и он, бросив школу, помогал отцу строить коровники и сараи. Тем и жили. Может быть, старший брат приврал насчет умения убивать домашнюю птицу в таком раннем возрасте, но отцу, любившему крепкое вино и тщательно скрывавшему данный факт от соседей, идея с курицей понравилась.

Поймали Тату – пеструю любимицу Улы. Эльдар принес нож и вручил Насуху.

– Мы ее подержим, – наставлял старший брат, – а ты руби по горлу! Затем суп баба сделает.

– Покажи нам, мужчина ты или нет! – Отец хлопнул Насуха по плечу.

Понимая, какой чести удостоился, Насух не мог подвести отца. От волнения он двумя руками поднял нож, словно меч. Тата, лежа на пне, внимательно смотрела на мальчика. Пень был специально принесен для такого случая, его уже не раз использовали как плаху для домашних птиц. Перышки Таты переливались в лучах палящего солнца. Отец ждал, покуривая сигарету, брат крепко держал курицу. Но в этот момент странное ощущение, что убивать неправильно, поразило Насуха.

– Папа, а может быть, мы ее отпустим? – неожиданно сказал мальчик. – Пусть бежит!

– Что? – кашлянул отец.

Брат расхохотался:

– Я же говорил тебе, что он другой. Кишка у него тонка!

– Другой не другой, он мой сын. Приказываю тебе, Насух, руби курицу!

Насух зажмурился, размахнулся, и на минуту ему показалось, что все, дело сделано. Тата подняла голову и вскрикнула. Сердце мальчика застучало, но не от радости, а от страха, и Насух выронил нож.

– Позор! – заявил отец.

– Позор! – повторил Эльдар.

Брат и отец были похожи между собой: черные брови, глаза, с грубыми горскими чертами лица и жесткими густыми волосами. От тяжелой работы их руки огрубели, стали сильными, а Насух с худенькими ножками и ручонками как спички выглядел как блеклая тень.

От стыда за себя и жалости к Тате Насух залился слезами.

– Он точно мой брат? – спросил Эльдар. – Смотри, как чудит!

Отец, которого Насух побаивался, схватил курицу и мгновенно отсек ей голову. Голова Таты упала прямо под ноги Насуха. Увидев это, мальчик вскрикнул и отвернулся.

Его затошнило. И словно этого было мало, как только отец положил тушку курицы на землю, она вскочила и забегала по двору.

– Шайтан! Шайтан! – закричал старший брат, отпрянув.

– Недолго ей мельтешить, – заявил отец. – Через пару минут упадет.

Насух продолжал рыдать, ему показалось, что раз курица Тата не хочет умирать, ее можно спасти.

– Давайте придумаем ей голову обратно, – сквозь слезы просил он.

– Вот дурачок! – Отец сплюнул. – И мать его была дурачкой, да простит ее Аллах и примет душу. Тоже всегда жалела животных.

– Аминь, – ответил Эльдар, стоя на куриной плахе двумя ногами.

Тата без головы побегала несколько минут и упала. Затихла. В это время от колодца пришла бабушка Ула, сгибаясь под тяжестью ведер.

– Что делаете? – спросила она и, строго посмотрев на сына и внуков, покачала головой: – Зачем Тату зарубили?!

– Бабушка, она не хотела умирать, – сказал Насух.

– А кто же хочет? Ладно, несите курицу, будет обед, – ответила Ула.

Маму Насух не помнил. Но иногда во сне к нему приходила молодая женщина с черными косами и лучистым взглядом. Она была одета в широкое платье-рубаху из шелка, украшенное позументом. Платье было цвета реки в светлый безоблачный день. Наряд дополнял нежный платок, расшитый золотой нитью.

– Меня зовут Афият, – приветливо улыбалась женщина.

И Насух догадался, что это мама. Афият брала его на руки и пела песню, в которой были всегда одни и те же слова на родном языке. Голос мамы звучал мелодично и

приятно. Насух понимал, что она поет о дальних землях и других людях, живущих по иным законам, о которых в их строгом мусульманском селе никогда не узнают. Еще мама пела о том, что не даст его в обиду и придет в самый трудный час, чтобы биться со смертью, если та захочет забрать ее мальчика.

После этих снов Насух просыпался, чувствуя себя счастливым. Он помогал Уле складывать на зиму дрова, следил за печью, выложенной из кирпичей прямо в доме, и поддерживал огонь.

В следующий приезд отец привез продукты, которых не было на вершине горы. Он достал лекарства для Улы, хворающей, после того как подвернула ногу.

– Ты уже взрослый, – сказал отец Насуху, лежа на софе. – Скоро я заберу тебя в город. Будешь нам помогать. Научись строить.

– Мы изучаем буквы. – Насух показал старенький букварь. – Я пойду в школу?

– Пойдешь, – пообещал отец.

От отца пахло вином, и Насух вдыхал этот запах, чарующий и запретный, который не должны были учуять соседи, иначе бы они стали сплетничать и позорить семью.

– Где мама? – спросил Насух.

Отец резко привстал, и глаза его сверкнули.

– Иди отсюда, – сказал он сыну. Насух, вжав голову в плечи, ждал. Но отец еще раз повторил: – Убирайся!

Слово отца – закон. Насух на цыпочках выбрался в коридор, оттуда во двор и, выглянув за ворота, увидел Улу у пропасти. Она сидела и смотрела на долину, где пастух пас стада овец, объезжая их на коне. За пастухом бежал верный пес, едва различимый с высоты.

– Бабушка, – сказал Насух, подойдя к Уле, – где мама?

Ула вздохнула и посадила внука рядом с собой:

– Когда ты был зернышком и сидел в животе у мамы, пришлось сделать выбор. Выбирать всегда нелегко. Хочешь ты рис или шашлык? Хинкал или кюрзе? Доктор сказал, нельзя, чтобы жили двое. Или мать, или дитя. Отец сделал выбор.

– А как же мама?

– У тебя есть я. Чем плохо? Иди сюда, мой внучек любимый! – Бабушка его обняла.

От ее слов на душе стало спокойно.

Ровесников в округе не было. Село состояло из одной-единственной улочки в десять дворов. Старшие мальчики любили драться на палках и гоняли Насуха. Поэтому когда старая Ула сказала: «Пора собираться!» – от радости он даже затянул песню. Это была старая аварская песня, в которой говорилось о жизни, полной невзгод, и о том, что вера в Бога спасает человека.

В Бога Насух верил с самого детства, но путался в местных традициях. Отец говорил, что они мусульмане, а Ула молилась иконам, стоявшим в изголовье ее кровати. Подрастая, Насух понял, что в их семье все смешалось и перепуталось еще до его рождения.

Уезжали в июне, погрузив вещи на осла по кличке Сом. У осла, которого им одолжили соседи, были длинные усищи, и выглядел он хитрющим. Сом пошел вниз по узкой тропинке над пропастью, только заметив в руках у отца здоровую хворостину. Эльдар нес на себе ковры и посуду, а бабушка Ула – одеяла и свертки с едой. В рюкзак отца сложили инструменты для ремонта. Остальное нагрузили на Сома. Насух тоже помогал как умел: в кармане его курточки лежали ключи от дома, куда, как он понял, никто уже не вернется. Село вымирало, жители спускались вниз, в долины, в города, никто не хотел

жить на крыше мира. Но Ула вручила внуку связку ключей и сказала:

– Мы возьмем их на тот случай, если захотим вспомнить это место. Не потеряй!

Идя по узкой тропе, Насух все время проверял, на месте ли ключи.

Через пару часов осла отпустили, и Сом весело убежал обратно, так как знал дорогу. Люди загрузили вещи в машину, ждущую их на равнине, и отправились в Ставропольский край.

Неприметный поселок Аврора показался Насуху и Уле настоящим шумным городом. Вместо одной улицы здесь их было около сотни. Повсюду цвели каштаны и благоухал жасмин. Бабушка и внук несколько раз потерялись, пока искали сельский магазин, а добродушные местные жители отвели их в центр и показали уютный сквер, где стоял памятник вождю пролетариата и располагался сельский музей.

В музее Насуху понравилось. Вся экспозиция посвящалась знаменитому российскому крейсеру «Аврора», участнику революционных событий 1917 года.

Со временем они, приехав из горного Дагестана, привыкли жить в Ставропольском крае. Окрестные улицы населяли в основном русские и татары. Курды жили отдельной общиной на задворках, там, где начинались болота.

Ула взялась возрождать домашнее хозяйство. Купила на рынке пеструшек и красавца петуха, чтобы под рукой всегда были свежие яйца. Не разгибая спины работала пожилая женщина на огороде. Насуха обязали ухаживать за коровой Маней. Старшего брата и отца бабушка с внуком видели так же редко, как и прежде. Зато дом, в котором они поселились, был словно дворец: четыре комнаты на первом этаже и три на втором. Просторная

кухня пришлась Уле по душе. Насух впервые увидел газовую конфорку и поначалу решил, что это – волшебство.

– Прогресс! – сказала ему бабушка. – Ученые придумали хитрую штуку!

Ула часто пекла в духовке пирожки, замешивая тесто ранним утром, и угощала младшего внука. Взрослея, он понял, что бабушка только казалась ему старой, на самом деле ей было слегка за пятьдесят. От тяжелой работы лицо Улы покрылось морщинками раньше срока.

Ближайший крупный город находился за двести километров. Как-то Насух и Ула побывали в Ставрополе. Но утомились. Пыльно. Душно. Слишком много людей и автомобилей. Нет тишины. После этой поездки бабушка решила, что не отважится больше путешествовать.

Насух, как и прежде, был одинок. В школе с ребятами он не дружил. Его долгий пристальный взгляд отталкивал сверстников, и они не брали мальчика в свои веселые игры. Для местных он оставался чужаком.

По утрам калитка соседского дома открывалась, и доряка Нюся, мать Фроси, кричала на всю улицу:

– Пошла в школу, буренка!

После чего выталкивала тринадцатилетнюю Фросю за порог. Следом летел портфель и со стуком падал на дорогу. Мать Фроси не поощряла лень и пьянство. А Фрося в молодежных компаниях могла выпить столько, что приползала домой на четвереньках. В таких случаях Нюся брала хворостину и охаживала дочку прямо под соседскими окнами. «Лечение» не помогало. Периодически Фрося исчезала по ночам и пела в придорожном кафе для дальнобойщиков.

– Не общайся с этой девочкой, – предупреждала Насуха Ула. – В нее бесы вселились. К тому же она старше тебя!

Третьеклассник Насух, делая уроки у окна, наблюдал за соседкой и мечтал подружиться с ней. Фрося давно

стала частью его замкнутой жизни, но заговорить первым он не решался.

Помог случай. Тетка Нюся как-то утром обнаружила дочку пьяной. Фрося не могла самостоятельно войти в калитку и ползала около матери с завываниями. Нюся отвешивала ей пинки ногами в калошах и орала на всю улицу нецензурную брань. Однако все старания матери были напрасны: пьяная дочка так и не нашла вход к родному очагу.

Насух догадывался, что так в поселке живут многие: пьют, дерутся, режут животных, а иногда и друг друга.

На соседней улице жила большая русская семья. Старший сын привел в дом любимую девушку. Отец, изрядно выпив, сцепился с сыном из-за красавицы. Драка происходила на кухне, и сыну под руку подвернулся нож, которым он ударил отца прямо в сердце. Мама и младшие братья пытались их разнять, но тщетно. Отец погиб.

В конце переулка, недалеко от музея, жила другая русская семья: муж, жена и двое детей. Одной девочке было десять лет, второй пять. Насух несколько раз играл с ними в прятки. Хозяин семейства был уважаемым человеком. Держал много живности: поросят, кур, уток. Жена часто принимала гостей, накрывала на стол, угощала детей оладьями и конфетами. Бабушка Ула всегда здоровалась с добродушными соседями.

Однажды в своем сарае отец семейства увидел черную кошку, которая должна была окотиться. Ему это сильно не понравилось. В приступе ярости мужчина схватил кошку за хвост и швырнул о бетонную стену. Кошка умерла вместе с неродившимися котятками.

Рассказав об этом в поселке, соседская семья благополучно забыла о кошке. А через пару месяцев мужчина зарезал свинью. Во дворе у сарая лежала туша свиньи, и он опаливал ее паяльной лампой. Рядом крутились жена

и пятилетняя дочка. Неожиданно паяльная лампа в руках мужчины вспыхнула, и он, испугавшись, отбросил ее в сторону. В воздухе лампа взорвалась. Огонь попал на одежду жены и маленькой дочки. Они запылали, словно два факела. Первой умерла мать семейства. Позже скончалась дочка. В больнице она сказала, что ее к себе зовет мама. После этих событий мужчина продал жилье и уехал со старшей девочкой в другой регион.

После их отъезда сгорел коттедж. Но никто не пострадал. А на следующий год рядом со злополучным домом вспыхнул детский сад. В него во время сильной грозы попала молния. Детей и воспитателей в этот момент внутри не было.

Когда в поселке Аврора сгорел детский сад, некоторые воспитатели признались, что по вечерам, когда родители забирали последнего ребенка и никого, кроме них, не было, они слышали, как на кухне дребезжала посуда, а в туалете гремели горшки. Няньки слышали топот детских ножек в коридорах. Старики, жившие в поселке, объяснили это тем, что на месте, где был построен детский сад, прежде находилось кладбище. Его перед строительством разровняли бульдозерами.

Теперь на месте сгоревшего садика и коттеджа разросся бурьян в человеческий рост. Если соединить на карте три объекта: двор, где взорвалась паяльная лампа, сгоревший коттедж и детский садик, то получался треугольник. Мертвые отвоевали у живых свою территорию.

Доярка Нюся, погнав дочь, хлопнула калиткой. Насух, заметив, что она пошла в коровник, прокрался и помог Фросе заползти в их огород.

– Внутри все горит, – с трудом разжимая сухие тонкие губы, сказала девушка.

– Я принесу воды, – пообещал Насух.

Он понял, что Фрося пьет потому, что ее никто не понимает. В семье смеялись над ее мечтой стать популярной певицей и заставляли работать в коровнике.

Она заплетаящимся языком прочитала ему стихи, а Насух рассказал ей о пропасти рядом с домом его предков, где сейчас жили только горные духи.

С появлением друга Фрося стала меньше употреблять алкоголь, а Насух, наоборот, впервые попробовал выпивку. И сколько бы Ула его ни журила, не обращал на это внимания. Понравилось Насуху кисло-сладкое домашнее вино, которого в погребке тетки Нюси оказалось предостаточно.

Вместе Насух и Фрося ходили в школу. Девушка помогала ему с домашними заданиями, пока не настало лето.

Солнечные деньки омрачила смерть соседки через два дома. Соседка была старой и одинокой. Ее обнаружили слишком поздно, и оказалось, что плоть покойной истерзана бродячими собаками. Насух стал чаще задумываться о смерти, особенно душными ночами, когда лежал в гамаке рядом с клумбами, на которых заботливые руки Улы помогали рождаться цветам.

Брат Эльдар не окончил школу и не поступил в институт. Приехав в Аврору, он внедрился в местную банду, грабящую ларьки и магазинчики и торгующую наркотиками. В доме появились краденые вещи: видеоприставка, телевизор, магнитофон. За бесшабашность и дерзость уголовники прозвали Эльдара Королем.

С некоторых пор Насух по требованию брата обращался к нему лишь по прозвищу. Король-Эльдар вытряхивал из спортивных сумок перевязанные резинками пачки денег или товар, и никто не имел права задавать ему неудобные вопросы о том, откуда это и почему находится в их доме. Милиция не вмешивалась в происходящее, будучи в доле с мафией.

Дальние родственники из Дагестана неожиданно вспомнили о семейных узах. Король-Эльдар купил квартиры троюродным теткам в ближайших селах, а племянникам по отцу предоставил жилье в Ставрополе.

Слава о человеке, умеющем решать любые проблемы, быстро разошлась по всему краю, и он сделал карьеру в преступном мире от шахматного солдата до авторитетного ферзя.

Отец не работал. Теперь совершенно ни к чему было горбатиться на стройке за копейки. Часами он сидел в мансарде и ни с кем не говорил. Ула подолгу упрашивала сына спуститься к ним. Отец приходил на кухню лишь поесть, а затем брал свежие газеты и снова уединялся.

Насух не помнил настоящее имя отца. В семье говорили «он», и все знали, что как отец скажет, так и будет.

Жизнь в поселке текла неспешно, словно терпкий мед. В лихие девяностые годы Насух понял только одно: в доме должно быть много оружия и денег.

Когда Насуху исполнилось одиннадцать, Король-Эльдар привел в семью юную девушку по имени Лиана. Дочь татарского мафиози из соседнего селения далеко за пределами Ставропольского края славилась необычайной красотой. Стройная, как дикая лань, зеленоглазая, с тяжелой черной косой, Лиана отличалась совершенством, несвойственным окружающему миру. Она была робкой, нерешительной и совершенно сбитой с толку, оказавшись в их двухэтажном доме из белого кирпича. Возможно, в тот день она впервые видела своего мужа, но беспрекословно следовала заветам старших, отдавших ее как дань за определенную услугу.

Что Король-Эльдар сделал для ее отца, так и осталось для Насуха загадкой. Поселок Аврора гудел слухами о том, что Король-Эльдар с подельниками выехали в другую область и расправились с давними обидчиками

татарской семьи из чеченского клана. За это старый мафиози отдал Королю свою младшую дочь. Другие утверждали, что Король-Эльдар был так влюблен, что передал отцу Лианы золотые слитки, похищенные у государства.

Что из этого было правдой?

Лиана во многом заменила Насуху мать. Она подчинялась законам Кавказа, знала, что женщина не может поднять глаза, пока ей об этом не скажут, и легко могла приготовить любое блюдо, что являлось для Насуха настоящим счастьем.

– Лиана! Лиана! – звал он ее утром, зная, что Король уехал. – Иди помоги Уле. Приготовь что-нибудь вкусное!

И Лиана по первому зову спускалась по широкой дубовой лестнице и принималась хозяйничать на кухне. Насух любовался женой брата и завидовал сам себе, что такая чудесная девушка появилась в их доме.

Отец погрузстнел. Перестал спускаться с мансарды. И с Лианой не разговаривал. Она не могла произнести в его присутствии ни слова, поэтому между ними на несколько месяцев воцарилось глухое молчание.

В холле на первом этаже лежал ковер ручной работы, сотканный из шерсти и шелка. Он отличался изысканной вязью узоров и прикрывал собой тайник с оружием. На ковре дагестанский мастер изобразил знак бесконечности, похожий на восьмерку.

Насух и бабушка вечерами сидели на софе и, не включая электричество, смотрели в распахнутые окна, выходящие в сад.

– Мой сын тоскует, – объяснила Ула. – О твоей матери. Об Афият...

– Я ее совсем не помню, – сказал Насух. – Сниться она перестала.

– Отошла в рай! Мертвые не всегда с нами. Вначале охраняют, а затем идут дальше. Так положено. Афият безгрешна. Умерла молодой. Что ей среди нас делать?

– Папа выздоровеет? – спросил Насух.

– От этого еще никто не выздоравливал, – вздохнула Ула. – Дай бог ему оправиться. Не перечь и выполняй все, что он попросит.

Быть может, не случись этого разговора, все бы пошло иначе, кто его знает.

На следующий день после обеда, наслаждаясь сладким компотом из вишен, Насух заметил, что отец отправился в летнюю кухню, небольшой бревенчатый домик, выстроенный по приезду из Дагестана. Первое, о чем подумал Насух, было ружье.

В доме под полом находились пистолеты и винтовки. Периодически Черт, Чечен и Гусь – три верных сообщника Короля-Эльдара – приходили и выбирали из тайника все, что им было необходимо. Но старое охотничье ружье, принадлежавшее некогда прадеду, лежало особняком, и к нему никто не смел прикасаться.

Отец буднично вышел на террасу, где цвели бархатно-синие клематисы, приставил ружье к горлу и выстрелил.

Остальные события одиннадцатого лета Насуха стерлись, пропали. Только фрагменты памяти, в которых появилась робкая Лиана и стреляющий в себя отец, остались навсегда.

Дробь не смогла оборвать жизнь отца, но выстрел покалечил его. Долгие дни в реанимации, бессвязные мольбы Улы, стоящей на коленях рядом с иконами, тревожили Насуха. Он не знал, как ему молиться. Кого просить о чуде? Бабушка была верующей христианкой, а отец мусульманином. В итоге Насух просто шел в поля, ложился на августовскую пожелтевшую траву, смотрел в небо и плакал от бессилия. Впервые в жизни он возненавидел Короля-Эльдара.

«Если бы не он... – шептал мальчик облакам, – со своими краденными вещами, бесконечными разборками

и убийствами, Бог бы помиловал нас, а теперь мы прокляты!»

Старший брат вернулся из Москвы в сентябре. Там он помогал решать дела какому-то депутату. Его сумка была набита валютой, а на плече красовался неровный шов после операции.

– Ерунда, – сказал Король-Эльдар. – Царапина!

У него были новые планы, и он не очень огорчился известию, что отец в больнице.

– Это все из-за тебя, – сказал Насух, забыв о правилах, где младший в семье не подает голоса без разрешения. – Ты виноват!

Старший брат не ответил, сразу заехал по уху так, что зазвенело все вокруг, завибрировало, и очнулся Насух на ковре с ненавистой ему бесконечной восьмеркой. Возможно, он получил бы добавки, но его спасла Ула.

– Прекратить! – истошно крикнула она. – Мой сын умирает! Прекратить!

Король-Эльдар, треснув кулаком по шкафу, исчез в коридоре, а Насуху бабушка помогла подняться и сесть на софу.

Через год родился Тимур. Лиана принесла его в атласных пеленках, и все ахали, какой он маленький и хорошенький. У Тимура были черненькие вьющиеся волосики и зеленые глаза, как у матери. Теперь Лиана все время уделяла малышу. Пеленала, кормила, ходила с ним гулять, и сельчане удивлялись необыкновенной роскоши меняющихся колясок, покрывал, игрушек и нарядов.

Король-Эльдар ничего не жалел для сына, а Лиане подарил серьги с крупными изумрудами. Две изящные вытянутые ракушки из белого золота, украшенные россыпью бриллиантов, спускались вдоль длинной лебединой шеи красавицы.

Лиана улыбалась счастливо и спокойно, потому что смогла выполнить главную миссию женщины – родила мальчика.

Насух все чаще пропадал вне дома, прогуливал школу, и за неуспеваемость его выгнали. Король-Эльдар мог пойти и поговорить с директором, но на семейном совете решили иначе: когда понадобится аттестат, сразу получить заветную бумажку.

Повзрослевшая Фрося танцевала и пела в баре, где по ночам ее слушал Насух.

Утром он старался проводить соседку до дома и вручить тетке Нюсе.

– Ваша дочка не пила, – заверял он строгую женщину. – Может, только совсем чуть-чуть!

Фрося стала его другом, с которым они обсуждали книги. Самым важным для него было пересказывать кому-то вычитанные сюжеты. Фрося не возражала даже в том случае, когда приходилось терпеть часами, как было с любимым произведением Насуха «Сто лет одиночества».

– Учи языки! – подсказала Фрося, когда они сидели на горячем стоге сена, собранного для коров.

– Зачем мне это? – удивился Насух, принесший подружке рассол для опохмела.

– Лучше, чем бездельничать, – захихикала Фрося.

Возможно, она сказала это спьяну, но юному дагестанцу идея понравилась, а в сельской библиотеке нашлись словари испанского и французского языков.

– Buenos días! – отныне звучали его приветствия: – Salut!

Дни в поселке середины 90-х были похожи друг на друга. Когда директора местных магазинчиков не платили дань, банда Короля брала в руки биты и громила

витрины. В этом было что-то злое и веселое, но не пугающее. Боялся за брата Насух только при дальних вылазках с настоящим оружием. Король-Эльдар поражал всех удачливостью, изворотливостью и дерзостью. О нем ходили легенды. Подрастало целое поколение деревенских мальчишек, желающих вступить в его банду. А Насух не имел к ним отношения. Его мучили панические атаки, которые городской лекарь велел лечить плаванием.

Подельники брата относились к нему с тем дружелюбием, с которым в России относятся к людям бесполезным и ненужным. Всякий раз Черт, Чечен и Гусь напоминали Насуху об этом, если не словами, то грубым жестом или крепким ругательством.

Банда контролировала все поселки и хутора в округе, выбивала долги и продавала оружие. Мелкие наркоторговцы боялись Короля-Эльдара и отдавали положенные проценты точно в срок. Однажды Насух случайно услышал, как Черт, Чечен и Гусь обсуждали могильник на болотах, последнее пристанище тех, кто провинился пред Королем.

Впервые Насух решил взять себе имя Николая, когда прочитал романы об Анжелике.

– Это так красиво! По-французски! – поделился он с Улой.

– Брату не говори, а то побьет, – предупредила бабушка.

Ула знала, что Николай влюбился. Избранницу сердца звали Даша, и проживала она с тетушкой на выезде из поселка Аврора.

Фрося выбор Николая не одобрила:

– Даша – глупенькая девочка.

Ула предложила позвать односельчан на праздник. Тимуру исполнялось три годика. Вертлявый, крикливый,

любимец семьи носился как юла по дому, прыгал на дубовой лестнице, а Лиана, ждущая нового ребенка, едва поспевала за ним.

Отец Николая, вернувшись из больницы, общался с помощью жестов. Из-за полученных увечий он потерял голос. Ружье не спрятали, и Николая побаивался, как бы отец однажды не закончил начатое, но тот был на удивление весел и добродушен, словно произошедший отчаянный порыв заставил его пересмотреть прошлое и будущее.

Николя видел во сне свою любовь, ее пепельные волосы, косую челку и карие глаза. На свой четырнадцатый день рождения Даша уехала в Ставрополь. Николая грыз ногти, выглядывал в окна и, видя полную луну, хотел выть, да побоялся напугать племянника.

Молодость брала свое. Долгие годы уединения закончились, появились знакомые. Николая начал покуривать травку. Коверкая забавные истории французских и немецких сатириков, он умел насмешить молодежь. Порой он что-то перевирал на свой лад. Никто в поселке не увлекался чтением, и поэтому народ понятия не имел, что находчивый паренек пересказывает им мировую классику.

В Авроре жители верили в потусторонние силы, поклонялись домовым, духам рода и лешему.

Николя сам нередко бывал на кладбище, чтобы увидеть голубоватое свечение, иногда мерцающее над могилами. А Фрося божилась, что, проходя ночью через мост, под которым плескалась мутная речка, видела двух русалок.

– Пожилая тетя-русалка и молодая хвостатая девчушка ругались! – заверяла всех Фрося. – Они спорили из-за гребня в волосах!

Односельчане кивали, соглашаясь, что всякое может быть.

В июне Даша вернулась из Ставрополя и начала проводить время со старшими девушками и юношами в поселке. Никола ради нее был готов на все, но робость и страх мешали отношениям. Нельзя сказать, что судьба была к нему сурова. На день Ивана Купала они дважды поцеловались. Но дальше этого дело не продвинулось. Ему было пятнадцать лет, а ей четырнадцать. В том, что это любовь, Никола не сомневался. Его задевала несерьезность Даши. Она не смущаясь заигрывала с другими, флиртовала и немного стеснялась Николая.

– Ты недостойн моей красоты! Мечтаю, чтобы меня забрал к себе твой брат, – шутила она.

– У него руки в крови, – возражал Никола. – А я хочу жить честно.

– Глупец. – Девушка поднимала брови над карими глазами. – Ты не просто странный, а еще и убогий!

– Ты не понимаешь, – объяснял Никола, опасаясь ее обидеть, – мой брат замешан в страшных делах, а мы поженимся и уедем отсюда. Забудем этот поселок.

– Куда мы уедем? – еще больше поражалась Даша, отстраняясь от паренька. – Твой брат – настоящий мужчина. Можно стать его второй или третьей женой. Его руки в крови. Да. Но ты только представь: одних он убивает, а других боготворит. Меня это заводит!

Однажды после вечеринки Даша, Никола и Степан, восемнадцатилетний сын кузнеца, возвращались домой из соседней деревни. Все молодые люди были изрядно навеселе и решили, что идти ночью через лес – отличная идея.

– Здесь всего шесть километров, – ободряюще сообщил Степан.

Даша весело щебетала, опиралась на его руку и всячески показывала, что Николая ей не так интересен, как взрослый парень. Это вызывало ревность, но вместе с тем и смирение, что он действительно ее недостоин: слишком застенчивый и невзрачный рядом с дюжим сыном кузнеца.

Планы добраться до поселка испортил дождь, хлынувший с мрачного неба. Единственным источником света был аккумуляторный фонарь, который нес Николая. Идти в ненастье сквозь чащу стало трудно. Поэтому когда вдалеке показалась сторожка лесника, юноши и девушка невероятно обрадовались. Избушка давным-давно пустовала, и никакого лесника не было в помине. Под ветхими стенами и наполовину разобранной крышей, часть которой успели растащить местные жители, прятались в непогоду звери и птицы. Здесь можно было переждать ливень.

Николая высказался против ночлега в сторожке.

– Отдохнем и пойдем дальше, – предложил он.

Степан и Даша отказались его слушать.

– Не нужно здесь оставаться, – твердил Николая. – Плохое место!

Но на его спутников внезапно обрушилась страсть, согревающая сильнее, чем костер.

Степан пригрозил Николаю и начал раздевать Дашу, совсем не сопротивляющуюся его объятиям и поцелуям. Николая мешал происходящему как мог: щелкал зажигалкой, включал и выключал фонарик, стучал ногами и читал Гарсиа Лорку в оригинале. Недолго думая Степан выхватил зажигалку и разбил, а фонарь отобрал. Николая от удара в челюсть пролетел несколько метров и, стукнувшись головой о балку, затих. Лежа на охапке старой соломы, он плакал. Дождь смешивался с его слезинками и уносился в бурлящие канавы.

В ту ночь Даша потеряла девственность.

Слушая возню и стоны, Николая чувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

Когда все закончилось, Степан разразился истошным русским матом. Причиной его недовольства стало то, что в жизни Даши он первый мужчина.

– Я не собираюсь на тебе жениться, – визжал сын кузнеца. – Наглая потаскуха! Развела меня на секс! Заманила! Я не виноват!

Затем он пообещал отлупить ее, если она вздумает потревожить его родных.

– Вдруг я буду брюхата? – взволновалась Даша.

– Предохраняться надо, коза!

Выяснив отношения, Степан и Даша нашли зареванного Николая и повели его домой.

После этого происшествия замкнутость Николая возросла. Часами он смотрел на цветы Улы и ни с кем не говорил. Даже от выпивки отказался. Только курил сигареты. Мог выкурить две пачки в день, особенно когда узнал, что Фрося нашла работу в Ставрополе и уезжает из Авроры.

– Буду посудомойкой! – гордо объявила она. – В кафе можно питаться остатками еды и там же спать.

– Спать?! – удивился Насух.

– Зарплата маленькая, комнату невозможно снять. Но хозяин разрешил ночевать в подсобке.

Николя и тетка Нюся отправились провожать ее на автовокзал, откуда уезжали старые круглые автобусы желтого цвета. Мать ругалась нехорошими словами и одновременно осеняла дочку крестным знаменем.

В шестнадцать Николая понял, что утешение есть в играх с Тимуром и домашних делах с поседевшей Улой. Бабушкины жалобы и звонкие крики племянника прерывали одиночество. Остальное время в своей комнате, где

воздух был сине-серым от постоянного табачного дыма, Николя напевал по-испански и по-французски, самостоятельно освоив два иностранных языка.

По вечерам он ходил на кладбище. Словно некая сила тянула его туда без всякой нужды: никто из родных не был похоронен в чужой земле, да и само кладбище не представляло собой живописный уголок. Деревянные кресты зимой заметала вьюга, а летом там рос бурьян. Но среди могил его сердце успокаивалось, дыхание становилось ровным, и, начитавшись Эдгара По, Николя ждал, что произойдет нечто особенное, необъяснимое, о чем люди долго спорят или совсем не говорят. Особенно ему нравилось приходить сюда зимой в полночь и бродить среди тех, кто совершил переход в подземное царство.

Холодным декабрьским вечером Николя отправился с ребятами на пятничную дискотеку в клуб, над центральным входом в который красовался барельеф с изображением Ленина. Владимир Ильич сверху смотрел на молодежь, крепко держащую в руках бутылки с самогоном и дешевым портвейном. Самогон гнали в Авроре все, и подростки таскали у старшего поколения двухлитровые пластиковые бутылки с алкоголем, называя русский самогон модным словечком «саке».

– От слова «ссать»! – ерничал Николя.

По вкусу горько-кислое пойло несильно отличалось от мочи.

Портвейн в ларьке у автобусной остановки покупали те, кто жил на широкую ногу. Разлитый в черные стеклянные бутылки, портвейн выглядел более респектабельно, чем самогон. Парни и девушки проходили в неотопливаемый зал, где гремела музыка, а принесенный алкоголь оставляли в маленькой комнатке, куда можно было в любой момент пойти и утолить жажду.

По праздникам в сельском клубе царило веселье, а перед выборами сюда приезжали региональные политики и депутаты в поисках избирателей.

Единственный работающий фонарь в поселке освещал клуб, отчего на Ленинской лысине играли слабые блики.

Николя заглянул в заветную комнату и увидел, что несколько парней уже изрядно приняли на грудь. Их речь, более похожая на звуки, издаваемые коровой Маней при родах, изобиловала матом и сленгом. Окажись в этих забытых богом местах иностранец, он ни одного слова бы не понял.

На танцевальной площадке изо рта шел пар. Девушки и парни двигались под музыку, не раздеваясь – в валенках, куртках и пальто. Но Николя по опыту знал, что скоро станет жарко от спиртного и под любимую песню сельских девчонок начнется стриптиз, в котором может участвовать каждый желающий.

Николя не рискнул снять шапку и шарф и пожалел, что не любит самогон. Ощущение, что он чужой на этом празднике жизни, не покидало его ни на минуту.

Света и Люба, две сельские звездочки-зажигалки, трезвым образом жизни похвастаться не могли. Они влезли на деревянные табуретки и по очереди стащили с себя курточки. Размахивая ими в воздухе, извиваясь и привлекая к себе внимание, юные создания задорно хохотали. После курток настал черед шапок, свитеров и лосин. Гремело модное в поселке Benny Benassi «Satisfaction». Люба и Света остались в юбочках и бюстгалтерах и, задирая и без того короткие подолы, делали манящие движения бедрами.

Под любимую песню в углах танцевального зала парочки затевали сексуальные игры, не стесняясь присутствия посторонних.

Такой была юность Николя: стриптиз юных куртизанок Авроры, выпивка и травка. Несмотря на имеющуюся

возможность, женской лаской Николая так и не воспользовался.

В клубном туалете с разбитыми стеклами завывал ветер, и к горлу подступала тошнота. Оттолкнув пьяную мастерицу интима лет пятнадцати от роду, Николай выбежал на свежий воздух. Девица осталась стоять на коленях и с недоумением разразилась нецензурной бранью вслед неучтивому кавалеру. Позор был налицо. Николай старался не думать об этом, хотя мысли все время возвращали его в лесную сторожку, туда, где развлекались Даша и Степан.

Круглые часы на потрескавшейся внешней стене клуба показывали девятый час вечера. Искося взглянув на них, Николай решил вернуться домой по старой кладбищенской дороге. Покойников хоронили часто. Народ безбожно пил горькую из-за нелегкой жизни. Единственное функционирующее кладбище во всей округе находилось в Авроре. Умерших от самогона, сбитых машинами, замерзших в снегу привозили сюда. Снег на проселочной дороге прибился под тяжестью грузов, и возможность передвигаться здесь была самая лучшая, тем более что коммунальные службы не работали со времен распада Советского Союза.

В свете луны, как инопланетный монстр с железным хребтом, возвышалась телевышка на холме. В детстве Николай покорила ее, взобравшись по вертикальной лестнице на зависть другим мальчишкам. Он оглядел окрестности с высоты пятидесяти метров! Вспомнив это, Николай не почувствовал гордости. Была лишь досада, что чуть не довел родную бабушку до инфаркта. Ей пришлось вызывать скорую помощь. Отец, узнав о «подвиге» сына, погнался за ним по улицам с ружьем. Николай поймал и запер в погребе старший брат. Наверное, поэтому проступок запомнился так ярко. Словно все произошло только что.

Ула вернулась из больницы на третий день. Именно она освободила заложника и повела кормить хинкали – традиционным мясным блюдом народов Кавказа.

На поселок с телевышки транслировалось два канала, и оба с жутчайшими помехами, поэтому местные жители привыкли бить телевизоры руками и обувью, пытаясь поймать сигнал.

Несколько раз Николая оглянулся: ему показалось, что приближается автомобиль, но на дороге никого не было. Около кладбища всегда атмосфера мистики, успокоил он сам себя, прибавляя шаг. И в этот момент позади него зажглись фары, словно глаза эриний, машина резко увеличила скорость, раздался хлопок, и Николая приземлился в сугроб.

Мелькнула догадка, что на него вышли люди, которым изрядно насолил старший брат, и смерть из детских видений лукаво усмехнулась из-под черного капюшона.

Стараясь понять, что происходит, Николая обратился к тому, что было прожито, переживая это заново фрагмент за фрагментом. Так всегда бывает, когда нервная система пытается восстановиться и человек видит мозаику прошлого. Ула часто говорила, что воспоминания заперты в Башне памяти. Эта Башня простирается до самого неба. Каждый кирпичик – наш поступок. Чтобы вспомнить тот или иной год, следует проникнуть сквозь перекрытия, спуститься с высоты, упасть на днище и просочиться сквозь камни, подобно бестелесному духу.

Шестнадцатый этаж Башни памяти. Декабрьская ночь с пятницы на субботу. Николая возвращался домой с дискотеки. Трое молодых мужчин, от которых веяло сладким ароматом дымка, швырнули его за заднее сиденье белой «Нивы».

Городские мажоры из Ставрополя, черт знает как оказавшиеся в поселке, хотели развлечься и даже не

представляли себе, что тщедушный подросток, похищенный ими, брат местного криминального главаря.

На подъезде к заброшенному дому на отшибе фары выхватили из темноты калитку зеленого цвета и часть железного заборчика. Николая мутило – то ли от удара, то ли от страха, ноги дрожали; вслушиваясь в речь незнакомцев, к своему ужасу, он понял, что перестал различать слова, слившиеся в единый гул, словно жужжание сотен пчел.

Николя начало казаться, что все это не более чем игра, которая происходит с кем-то другим, а вовсе не с ним, при этом его сознание было спокойно и являлось как бы наблюдателем, вне зависимости от того, погибнет физическое тело или нет.

Похитители притащили Николая в комнату. Если бы милиция попросила описать их внешность, Николая бы не смог. Согласно теории, вычитанной в какой-то библиотечной книжке, он верил, что в некоторые моменты в людей вселяются демоны. Именно поэтому люди совершают неблагопристойные поступки, не останавливая друг друга и не задумываясь о последствиях. Каждому будет дано по вере его, говорили древние, и это, несомненно, истина.

Похитители бросили подростка на софу. Николая уткнулся лицом в пыльную матерчатую обивку и перестал сопротивляться, хотя по дороге и предпринимал робкие попытки, не увенчавшиеся успехом. Один из мужчин притянул его к себе за запястья, отчего лицо Николая оказалось перед молнией на джинсах незнакомца.

Именно тогда Николая понял: его не убьют, а используют как женщину. Поражаясь самому себе, он отметил, что происходящее его не пугает, а наоборот, вызывает непреодолимое желание.

В кукольном представлении мира подобное обращение между представителями мужского пола унижает,

отбрасывает на нижнюю ступень иерархической лестницы. Но внизу живота появилось приятное тепло, в груди завибрировала энергия такой силы, что Николя едва не задохнулся от блаженства при грубых прикосновениях похитителей, срывающих с него одежду.

Голоса начали пробиваться сквозь гул, и, лежа в заброшенном доме на ветхой софе, Николя расслышал, как двое позади него совещались. Их шепот смешивался с его собственным прерывистым дыханием, и случилось то, что предрек древнеримский лирик Гай Валерий Катулл в своих стихотворных строках: «Раскорячат, и без помехи хрен воткнется в тебя».

Николя казалось, что все его естество находится в обжигающем пламени, вытянутые вперед руки дрожали от нарастающего возбуждения, тело вопреки воле извивалось, а боль смешалась с волнами безудержной эйфории.

Один из похитителей приподнял голову Николя и завладел его жадным, открытым ртом. Николя почувствовал, как бедра и спину залило семенной жидкостью, напоминающей воск, стекающий с горячей свечи.

Мысли – это мусор, имитирующий деятельность сознания. Когда есть жизнь, они улечиваются и остается лишь диапазон звуковых волн, рождающийся в глубине шаманского бубна.

Ощущение времени теряет значимость точно так же. Время останавливается вместе с потоком шелухи. Сколько часов Николя находился в заброшенном доме, он не знал и не думал об этом, только чувствовал, что двое позади него сменяли друг друга несколько раз, а потом наступила тьма, в которой мириады частиц соревнуются в световых гонках.

Разбудил холод. Ветер трепал волосы, Николя сразу подумал, что потерял шапку, связанную Улой, и открыл

глаза. Небо над поселком набухло, цеплялось за крыши, предрекая снежную бурю.

Оглядевшись по сторонам, Николая понял, что находится недалеко от дома, у ветхой церквушки. Его перчатки и шапка потерялись. Тот факт, что он жив, да еще находится на пороге Божьего храма, Николая несказанно обрадовал. Несмотря на ночное происшествие, оценку которому он решил пока не давать, так как признаться кому-то в подобном сродни бубонной чуме, чувствовал Николая себя неплохо.

Опираясь на церковную ограду, он сделал первые шаги, и оказалось, что идти нужно неспешно, глубоко вдыхая морозный воздух, отчего сердцебиение восстанавливалось, а ноги, хоть и подрагивали, но упрямо несли вперед.

В родном дворике царила тишина, нарушаемая только скрипом из сарая: там корова Маня выхаживала новорожденного бычка. В окнах не горел свет, только крошечная лампочка светила в уборной на втором этаже на случай, если беременная Лиана пойдет туда с Тимуром.

Николая мечтал прокрасться по лестнице как можно незаметней в ванную комнату, а оттуда в свою кровать и уснуть. Испачканные вещи были скомканы и брошены в стиральную машину. Он переоделся и помылся. Надев тапочки и халат, Николая взглянул на часы, идущие своим ходом в коридорной нише, и обнаружил, что еще нет пяти утра.

Начитавшись книг о шпионах, Николая соорудил защиту межкомнатной двери, которой, по семейной традиции, замок не полагался, так как от родных запирается нечего – если надо, все равно выбьют. Уходя из дома, Николая всегда вставлял в щель дверной коробки зубочистку или крошечный обрывок бумаги, а возвращаясь, проверял, все ли на месте или в его отсутствие в комнате кто-то

побывал. Фильмы порнографического содержания на DVD-дисках способствовали развитию осторожности.

Но сколько Николая ни проверял, то ли хитрец, проходящий в его отсутствие, сам был из знатоков, то ли DVD подобного содержания никому были не интересны, но зубочистка и бумажка по-прежнему занимали свое охранное положение.

Прокравшись на цыпочках по коридору второго этажа, Николая открыл дверь в свою комнату и с надеждой посмотрел на пол: однако зубочистка не упала. Сердце екнуло. Неужели его искали?

– Давай заходи! – раздался шепот, от которого Николая вздрогнул и перевел взгляд на узкую койку у окна. Там сидел старший брат.

Объяснений было не избежать.

Рядом с кроватью на столике, стилизованном под черепаший панцирь, стояла хрустальная пепельница, и, судя по окуркам, Король-Эльдар ждал его пару часов.

– Я был в гостях... – Николая сказал первое, что пришло в голову.

Король схватил его за шкурку и приподнял в воздухе.

– Тихо и быстро. Где был? – Шепот брата вызвал звон в ушах, и Николая начал подозревать, что это приступ панической атаки, которых не случилось несколько лет.

– Я не могу дышать... – только и сказал он в свое оправдание.

Король-Эльдар потрянул его, как мешок с картошкой, и бросил в кресло.

– Тс-с-с! – прошипел брат. – Бабуля спит. Из-за того, что ты, гаденыш, не пришел вовремя, ей пришлось пить таблетки. Соображаешь? Я с Чеченом и Гусем всех на уши поднял. Не было тебя нигде.

Николая вжал голову в плечи. Короля-Эльдара никогда не интересовали его проблемы. Почему сейчас все

изменилось? Какое ему дело до Николая, которого он, старший брат, не раз называл доходягой и калекой.

– Это честь нашего рода – держать всех под контролем! – словно отвечая на его мысли, сказал Король-Эльдар.

Брат достал сигарету и закурил. Ула всегда запрещала курить в доме, но ничего не могла поделать с Королем и со своим сыном, отцом Николая. Только после травмы отец начал вести себя иначе: на перекур выходил в сад. Курить он не мог, поэтому зажигал сигарету, словно индийскую ароматическую палочку, чтобы ощутить запах табака...

– Ты ничего не хочешь мне объяснить? – Старший брат прервал мысли Николая.

– Нет.

– То есть все в порядке?

– Да.

Король-Эльдар посмотрел в окно. И Николай начал успокаиваться, что сейчас брат уйдет, а он сможет отдохнуть. Но тот встал, прошелся по комнате, а затем резко наклонился к лицу Николая:

– Ты думаешь, я ничего не знаю?

– Что?! – вырвалось у Николая. – Что тебе от меня нужно?

– Мне сказали, что в поселке была левая машина и тебя забрали. Или это не так?

У Николая зуб на зуб не попадал, ему начинало казаться, что этот вынос мозга куда хуже любого насилия. Хотелось прекратить это сию же минуту.

– Ладно! Ладно! – ответил он. – Я расскажу.

Конечно, Николай рассказал только часть правды: о том, что его избили, привезли в дом на окраине, изнасиловали и выбросили в сугроб у церковной ограды. О своих чувствах к похитителям, которых стыдился до глубины души, Николай промолчал.

Король-Эльдар вышел, закрыл дверь и, судя по шороху, положил на место зубочистку. Николай поплелся в

убаюкивающие сновидения. В них можно было предаваться фантазиям, в которых его снова кто-то похитил.

На следующий день домашние делали вид, будто ничего не произошло, а Ула даже не спросила внука, откуда у него синяк на щеке и почему опухли губы.

Николя быстро выпил чай и встал из-за стола, сославшись на простуду.

– Долго вчера гулял, горло болит, – сообщил он Лиане и Уле.

Его отпустили без вопросов.

Брат с Гусем, Чертом и Чеченом куда-то собирались. Выглянув через окно в сад, Николя заметил сумки, в которых перевозили оружие.

– Что творится! – сказал он и задернул шторы.

Романы, иностранные словари, порнофильмы, несколько эротических журналов, спрятанных в шкафу, стали для Николя увлечением на всю зиму. На улицу он почти не выходил, а если и помогал убирать снег, то ранним утром или поздним вечером, чтобы не попадаться на глаза соседям. Ему казалось, что все знают о насилии. Много раз в голове звучал вопрос брата о том, что с ним случилось. Значит, кто-то видел? Почему брат знал наверняка?

Самое главное теперь было дожидаться весны, потому что отец пообещал отправить его на учебу в сельскохозяйственный колледж Ставрополя. Вначале отцовская идея Николя не обрадовала, но, подумав как следует, он с нетерпением стал ждать отъезда, тем более что где-то в большом городе затерялась его подруга Фрося, с которой можно поговорить о книгах, которая пишет стихи и отлично рисует. Как она живет? С кем? Фрося хоть и обещала писать, обманула. Ни одного письма так и не пришло.

Король давно купил несколько квартир в самом центре Ставрополя и сдавал их в аренду, наладив дополнительный бизнес. Спросить брата напрямую о делах Николая не решался, так как денежные вопросы его касались только в том случае, когда нужно было попросить немного на карманные расходы. Поэтому и вопросы, откуда появляются деньги и каким способом они приходят в семью, с его стороны были недопустимы.

Лиана изменилась со второй беременностью. Она много болела, и ее положили на сохранение в больницу. Тимура увез в соседнее село отец Лианы, татарский мафиози. Николай видел дедушку Тимура мельком. За озорным чернобровым племянником приехала целая свита с ласковыми нянечками и суровыми охранниками, а сам дед, отец Лианы, даже не показался из джипа.

Отец Николая тоже не вышел его поприветствовать. Короля-Эльдара дома не было. Тимура отдала Ула, выйдя за ворота в длинном платье-халате и в строго повязанном платке, из-под которого не видно было волос. Поверх платья Ула набросила вязанный из овечьей шерсти платок. Платок был теплый, пушистый. Николай наблюдал, как бабушка подошла к джипу и слегка поклонилась, отец Лианы кивнул в ответ.

Укутанный в зимний комбинезон Тимур притих, испугался большого количества незнакомых людей. Его подхватили две няньки:

– Наш принц! Сокровище! Иди на ручки!

Провожая взглядом кортеж, Николай подумал, что в этом мире никому нельзя верить. Ула, вернувшись с улицы, задержалась перед телевизором.

– Интересные новости? – спросил Николай, спускаясь по лестнице.

– Неспокойный край! – вздохнула Ула. – Жили мы в своих горах и ничего такого не знали, а приехали – и вот оно. Грабежи и убийства каждый день!

Диктор ставропольского телеканала, заглядывая в бу-мажку, перечислял происшествия за день: сколько было изнасилований, краж и разбойных нападений.

– И еще раз вернемся к утренним новостям, – услышал Николая, заваривая себе кофе, как он и любил – с сахаром и молоком. – Трое студентов из Ставрополя были найдены мертвыми недалеко от хутора Волчье гнездо. По предварительным данным, их сожгли заживо, облив автомобиль бензином. Погибшие не имели шансов на спасение, так как их руки и ноги были обмотаны проволокой. Милиция подозревает, что в Ставрополье действует маньяк...

– Еще одно нераскрытое преступление, – подытожила Ула.

Камера показала крупным планом покореженный остов «Нивы». Чашка в руках Николая дрогнула. Но он смог ее удержать и выпил обжигающе бодрящий напиток.

– Повеселей тебе? – спросила бабушка, снимая платок. Она не любила ходить в платке среди родных. Надевала его только при официальных встречах.

Николя посмотрел на седые волосы Улы, аккуратно убранные в пучок на макушке, и кивнул:

– У меня все хорошо.

– Что на обед хочешь?

Просыпался аппетит.

– Сделай суп из баранины с чуреком, – попросил Николая.

Для этого блюда баранину следовало долго варить, добавляя в бульон соль и специи. Затем бульон смешивался с томатным пюре и украшался зеленью.

– Сделаю, – пообещала Ула. – Только барана надо зарезать. Отец болен, а брат твой опять пропал. И, может быть, надолго.

– Э, нет, – сразу отказался Николая. – Я резать не буду. Не умею.

– Кто же тебя попросит? – усмехнулась бабушка. – Придется мне самой!

Николя подумал, что в глазах близких он настоящее несчастье. Даже барана зарезать не может! После неудачи с курицей Татой его и не просили. Он скорее себе отрежет палец, чем убьет животное. При этом от мяса Николая не отказывался, если готовила Ула.

Иногда приходила мысль, что это мелкое предательство по отношению к животным: сам не убивает, но ест. Рождаясь, животные надеются, что обрели дом. Они радостно бегут навстречу, мычат, блеют, кудахчут, ласки просят, а их пускают под нож. Пусть не сразу, со временем. Жизнь жестока и несправедлива. Есть редкие счастливики. Почему им везет – знает только Бог.

С бараном Уле помог русский сосед. Резали беднягу в сарае, куда Николая никогда не заходил, обходя «лобное место» – так он называл про себя место забоя – за версту. Бульон и впрямь получился наваристым, сытным. Отец ел и головой кивал, значит, особенно вкусно получилось, а Николая охватила грусть. Ула это заметила и сказала:

– Ты у нас сентиментальный. Пойми, родной, барашек не просто так умер, он стал частью тебя, на благо пошел...

И от ее слов, сказанных с нежностью и участием, угрызения совести пропали, и серебряная ложка замелькала, поднося ароматный бульон ко рту.

Вечером пришли вести из больницы: врач сказал, что Лиана остается на пару недель, так как ей нужен уход. Все расстроились, поскольку ждали ее к выходным.

– Может, раньше отпустят... Как малышка появится... – попыталась утешить родных Ула.

Отец поднялся в мансарду. Николая, оставив бабушку у телевизора, пошел в ванную комнату и там задремал. Под водой было приятно касаться себя и мечтать о странных вещах. Николай не мог понять, отчего в его голове играет музыка, словно, когда едва он засыпает, добрый волшебник меняет грампластинки на патефоне – и мелодии льются и льются, слова звучат и звучат, не мешая видеть через прикрытые веки калейдоскоп сновидений. Погружаясь в них, он помнил, что спит в ванной, положив голову на резиновую подушку серого цвета, а его тело омывает вода с густой белой пеной, вырывающейся из твердых шипучих конфетти.

Николая наблюдал солнечный свет в незнакомой комнате, где на полках от пола до потолка стояли книги. Высокий мраморный столик показался выбежавшему из клетки крысенку-альбиносу Фудзиямой. Он карабкался туда в надежде отыскать сладкие сухарики. Николай на миг почудилось, будто он знает этого крысенка. Крысенок совсем его не боялся, деловито забравшись на подставку для торта, где лежали остатки шоколадного кекса. Деревянные резные ножки столика представляли собой дорические колонны, а прямоугольная столешница была стилизована под своды греческого храма.

Кто-то появился в дверях и окликнул его:

– Николай!

В ушах звучала композиция Милен Фармер «Beyond My Control».

– Николай! – повторил кто-то.

Видение прерывалось плавно, Николай физически ощутил, как его сознание перемещается между отсеками сна, и, открыв глаза, улыбнулся. Вода в ванной остыла.

– Выходи, Николай. – Ула дергала дверь. – Эльдар приехал!

– Иду! Иду! – прокричал Николая, закутываясь в банный халат.

Старший брат привез подарок – настоящий компьютер. Монитор, процессор, мышка и даже коврик для мышки. Николая не мог поверить своему счастью.

– Это тебе, – сказал Король-Эльдар. – Тащи в свою комнату. Потом подключу интернет. А весной заберешь на хату в Ставрополь. Пригодится в учебе.

К семнадцати годам Николая познакомился с трудами Карлоса Кастанеды.

Книги были переведены на русский язык в самом начале девяностых, ходили по рукам в самиздате и попали в сельскую библиотеку от какого-то путешественника, захватившего на лето порыбачить. До этого Николая читал классику, поэзию и отдавал предпочтение литературе гуманистического направления.

Перебирая машинописные листы об учении дона Хуана, Николая заинтересовался наркотическими веществами, способными открывать порталы в мир духов.

«Нужно только приручить «свое» растение, сродниться с ним», – решил Николая, собираясь в колледж.

Вместо одного детского голоса в доме теперь звучали два. Лиана приехала из роддома с малышкой. День рождения дочери Король-Эльдар не праздновал. Главное для кавказского мужчины – сыновья.

Грузовичок, который пригнал Гусь, должен был отвезти Николая в незнакомый город. Там ждали свобода и новая жизнь!

Не будет ежедневных проверок, ночевал ли он в своей комнате, с кем разговаривает, почему такой грустный, зачем покурил коноплю, заботливо выращенную в огороде, и теперь весело хохочет.

Отныне он будет сам по себе. Это ли не настоящее счастье?

Гусь помог снести компьютер по лестнице, погрузил коробки с вещами в кузов.

Книгу «Сто лет одиночества» и несколько текстов Карлоса Кастанеды Николая прихватил с собой, положив в пакет с порнофильмами, подаренными когда-то его старшей подругой Фросей.

На прощание Николая поцеловал в щеку старую Улу, потрепал по кудрявой головке племянника Тимура, доверчиво спрашивающего: «Когда мы пойдем играть в футбол?» – и, помахав рукой Лиане, прижимавшей к себе новорожденную девочку, названную в честь бабушки Уликой, закрыл дверь своего дома.

Вот и все.

Отправляясь в путь, Николая не подозревал, что в квартире, куда он прибудет, его ждет сюрприз. Одна комната была сдана Фросе. Старшая подруга пела в баре по ночам, а днем отсыпалась. В ее комнатке, выходящей на трассу, помещалась кровать, тумбочка для бумаг, две навесные полки и тесный, похожий на гроб для собаки шкаф.

– Она платит за проживание, а ты не будешь, – усмехнулся Король-Эльдар, дозвонившись на мобильник Николая.

Итак, свобода в квартире оказалась относительной. Разбирая вещи, Николая попросил Фросю помочь, и они проговорили весь вечер о том, как много воды утекло с их последней встречи. Фрося приготовила спагетти с жареными сосисками, и они съели целую сковородку, поливая блюдо кетчупом.

– Ты нашла парня? – спросил Николая.

Двадцатидвухлетняя Фрося не отличалась красотой, но была миловидна. Правда, от раннего пьянства на ее

лице остались следы: отеки под глазами свидетельствовали о грешной натуре.

– Нет, – покачала головой Фрося. – Я сплю с женщинами.

В воздухе повис вопрос, который никто не хотел задавать первым. Однако Николая все-таки спросил:

– И как тебе?

– Я встречалась с парнем, мы были вместе какое-то время, – буднично объяснила Фрося, убирая со стола грязную посуду. – Но я не испытывала удовольствия. Никакого оргазма. Понимаешь?

Николя смутился и решил разговор не продолжать.

– Моя подруга иногда здесь ночует. Это же не проблема? – уточнила Фрося.

В квартире помимо общей кухни и ванной было две комнаты: большая, в которой поселился Николая, и маленькая, где жила Фрося.

– Нет, – покачал головой Николая. – Вы не мешаете. Я приехал учиться, и мне не до развлечений.

Он встал и вышел из кухни.

В его комнате был относительный порядок: старший брат купил новую софу, два кресла и стол для компьютера. Просторный балкон довершал картину. Посмотрев вниз, во двор, где рядами стояли автомобили, Николая невольно закрыл глаза. Высоко. Он вспомнил о пропасти, манящей его в детстве, и, закурив, отодвинулся от перил.

Занятия на курсах подготовки в сельскохозяйственный колледж начались летом, и Николая, одинокий, как и прежде, быстро сошелся с парнями из общежития. Они были на пару курсов старше и внушали ему доверие. Ивану исполнилось двадцать, а Станиславу двадцать три. Николая внимательно слушал их истории о женщинах и выпивке, однако если раньше он приходил в восторг от

подобных бесед, теперь они вызывали досаду. Девушки, на которых заглядывались парни, казались Николаю неинтересными. Он не восхищался стройными женскими ножками, предпочитая отмалчиваться.

Помимо подготовки к учебе, всех занимали наркотики и мечты попробовать что-нибудь «серьезное». Иван рассказал, что соотечественники, вдохновившись произведениями Кастанеды, рыскали по Сибири в поисках чудо-грибов, а затем вещали о полученном опыте подрастающему поколению.

– Цель тех, кто ищет эйфорию, – потерять контроль над разумом. Эзотерики в этом мало! – делился сокровенными мыслями Иван. – Поклонники Кастанеды дружат с всемогущими духами травы для того, чтобы погрузиться в транс и обрести мудрость. Это не синтетический наркотик, который вызывает лишь привыкание.

Станислав, с которым Николай занимался в библиотеке при колледже, признался, что курил только коноплю.

– Когда я прочитал о том, как Кастанеда жевал таблетки пейота и мескалито, меня словно током ударило: надо попробовать! – признался он. – Ведь можно увидеть знаки Вселенной.

– Нужно только расшифровать их! – перебил его Иван.

– Йоги и буддийские монахи многое об этом знают. Поэтому я увлекаюсь медитациями, – продолжил Станислав.

– Я пробовал смотреть в одну точку. Не понравилось, – поделился опытом восточной практики Николай. – Если задумаете что-то существенное, я в деле.

Недалеко от сельскохозяйственного колледжа стояло двухэтажное общежитие. Здание постепенно приходило в упадок: снаружи стены, которые слышали не одну тайну ставропольских студентов, приобрели желтоватый

оттенков, потрескались, и в непогоду сквозь щели задувал ветер. Рамы на втором этаже перекошились и сигналили, что вот-вот вылетят на голову неудачливым прохожим. Студенты шутили, что кто-нибудь после этого откроет новый закон физики, как Ньютон.

Внутри дела обстояли чуть лучше. Каждый год при выпуске студент обязан был за свой счет купить краску, шпатлевку и сделать косметический ремонт. Светло-коричневые пронумерованные двери из тонкой фанеры располагались по обе стороны коридоров.

На двери, где обитали Иван и Станислав, висела табличка с номером девять. Небольшая комната вмещала в себя четырех студентов. В ней стояли четыре односпальные кровати, расползающийся от старости и сырости шифоньер, который давно намекал, что хочет уйти на пенсию и оказаться в утиле, а также стол времен Октябрьской революции.

– Тебе повезло, ты на своей хате живешь, – не раз говорили Иван и Станислав.

Николя, погостив у них в общеаге, понял, что ему действительно повезло.

Все проживающие в студенческом общежитии приехали в город из поселков и хуторов, разбросанных по Ставропольскому краю.

Соседями Ивана были грузин Гоша и Михаил, угрюмый молодой мужчина, поступивший в колледж, чтобы не оказаться на улице, – ему негде было жить.

Вся эта компания дружила с молодыми людьми из комнаты номер двадцать один.

Еды постоянно не хватало, так как на стипендию можно было купить лишь несколько булок хлеба. Поэтому питались в складчину. Кому-то родные из села передавали соленья – маринованные помидоры и огурцы, кому-то

присылали картошку, рис или гречку. Иногда появлялись деньги, на них покупались сигареты.

Николя сутками пропадал в комнате номер девять. К Фросе приходила подруга сердца, и он не хотел мешать их отношениям.

По вечерам студенты бренчали на гитаре и пели песни Виктора Цоя.

В праздники полагалось покупать пиво и дружной компанией, прячась от вахтера, коротать время, рассказывая веселые шутки и анекдоты.

В августе парни из обеих комнат поехали в пригород, захватив с собой пару банок сгущенного молока. Николая спросил, что они задумали.

– Не беспокойся, они дотемна справятся, – ответил Михаил.

Весь день Николая провел в библиотеке, а к вечеру парни вернулись.

После скудного ужина Гоша вынул литровую бутылку с зеленоватой жидкостью, похожей на молоко, повертел ею под носом Николая:

– Будешь?

– Что это? – удивился тот.

– Манага! – поглаживая бутылку, ласково сказал Гоша. –

Только сегодня сварили.

– Как сварили?!

– Ты что, с луны свалился? – ухмыльнулся Станислав, и все засмеялись.

Иван решил просветить «новобранца»:

– Манагу делают из дикой конопли и сгущенки. С куста нужно срывать самые нежные верхние листики, а затем варить их на медленном огне.

Михаил достал из шифоньера несколько пластиковых стаканчиков и принялся разливать манагу.

Николя посмотрел на парней – никто не отказывался.

– Будешь? – еще раз спросил Гоша.

– Буду, – кивнул Николя.

Он сделал несколько глотков густой горьковатой жидкости.

– Ну как? Торкнулось? – заботливо спросил Гоша.

– Нет, эффекта никакого, – отозвался Николя.

Иван посоветовал:

– Выпей еще. Расслабься и почувствуй настоящий кайф.

Николя послушно выпил. И опять ничего не ощутил.

– Не действует это на меня, – сказал он.

Николя, показалось, что окружающие перестали обращать на него внимание. Он сел на кровать и обхватил колени руками. Примерно через десять минут появилось ощущение, что в кончиках пальцев началось легкое покалывание, постепенно охватывающее все тело.

Покалывание постепенно усилилось, пульс участился. На миг Николя показалось, что сердце выпрыгнет из горла и ускачет подобно мячу. Все ушли, и он остался один. Попытался расслабиться и прилег. Тело перестало слушаться и словно вибрировало внутри. Он больше его не контролировал.

Николя испугался. Решил встать, сделать несколько шагов. С большим трудом ему это удалось, и ощущение тела вернулось. Ум был ясный, но мысли неслись подобно гоночным машинам на трассе Формулы-1. Неожиданно Николя охватил панический страх. Чтобы не потерять сознание, он начал бить себя по лицу. И обнаружил, что боли – нет.

Он решил выйти, спуститься на первый этаж и умыться. В комнатах студентов туалетов не было, и, чтобы вымыть руки, приходилось спускаться и стоять в очереди.

Шаги Николя были ровными, тошнота отступила, и голова больше не кружилась. Он включил кран с ледяной

водой, потому что горячей в общежитии не имелось: чтобы вымыть голову, студенты набирали холодную воду в ведра и нагревали кипятником. Подставив ладони под тонкую струю, Николая тут же отдернул их. Руки обожгло. Состояние было словно перед инфарктом: резкая боль в груди и темнота в глазах.

Парни пришли на перекур и застали его возле умывальника.

– Я умираю... – еле слышно сказал Николая.

Студенты перепугались. Мало того что Николая ночевал у них нелегально, так еще и его смерть могла негативно сказаться на их пребывании в общежитии.

– Возвращайся и отлежись в комнате, – посоветовал Гоша. – Ты просто загрузился. Это вирус! У тебя галлюцинации в виде панического страха смерти. Нужно расслабиться, тогда отпустит.

С подъемом на второй этаж случился казус. Это напоминало вечное восхождение. Николая слышал свои шаги и видел одни и те же ступеньки лестницы, уходящей в бесконечность. Никого вокруг не было. Голоса студентов звучали эхом, как если бы он находился под водой.

Николая по-настоящему обрадовался, когда бесконечная лестница закончилась и вывела его к пролету на втором этаже. Но радость была преждевременной. Направляясь к комнате номер девять, которая находилась по правую сторону от входа в коридор, Николая посмотрел влево и обнаружил дверь с номером двадцать восемь. Сделав около десяти шагов, он опять посмотрел влево, и каково же было его удивление, когда вместо комнаты номер двадцать шесть перед ним снова была табличка с номером двадцать восемь.

Нарастало ощущение, будто лента времени перематывается назад. Николая уже не шел, он бежал, а комната номер двадцать восемь перемещалась в пространстве вместе с ним на такой же скорости.

Эти, как ему показалось, бесконечные мучения прервали шаги молоденькой девушки, вышедшей от своего парня. Именно появление юной особы вернуло время в обычное русло, и Николая попал в девятую комнату. Никого внутри не было. Николай, испугавшись одиночества, считал пальцы на руках, чтобы ощущать, что он находится здесь и сейчас.

Через полчаса подтянулись Гоша, Иван, Станислав и Михаил.

– Мне плохо, – сказал Николай.

Парни начали сами «загружаться», подхватив лихорадочную мысль-вирус.

Михаил, как самый опытный в этих делах, решил, что необходимо очистить желудок. Начали искать тару и обнаружили под кроватью железный таз. Поставили его в центр комнаты. Станислав опустил на колени и сунул в рот два пальца, пытаясь вызвать рвоту. Но ничего не получилось.

– Ты не умеешь. Смотри и учись! – Гоша со стоном опорожнил желудок.

– Давай, иди сюда, тебе надо вырвать, чтобы стало легче! – Парни позвали Николая.

В дверь комнаты постучали. Но поскольку вся компания оказалась сконцентрирована вокруг железной емкости, стук проигнорировали. Дверь распахнулась, на пороге стояла директор общежития. Николай заметил, что ее поразило их «преклонение» перед тазом. Однако директор многое повидала в этих стенах.

– Манага? – спросила она.

– Манага, – простонал Иван, держась за живот.

– Ну, хорошо, – сказала директор и, встретившись с недоуменным взглядом Николая, добавила: – Соблюдайте чистоту и аккуратность.

Она закрыла за собой дверь и ушла.

К двум часам ночи Николая еще не спал. Лежа на раскладушке, он ныл то ли от боли, то ли просто хотел, чтобы его пожалели.

– Ты стони, стони, – прошептал Гоша. – Хоть будем знать, что ты жив.

Неожиданно для себя Николая понял, что состояние, в котором не было контроля, выключилось. Он перестал жалобно кряхтеть. Шум в ушах исчез, покалывание в руках и ногах прекратилось.

– Что с тобой? Почему стонать перестал? Ты дышишь? – Его окружили ребята.

– Дышу, дышу! Отпустило. – Николая улыбнулся и осознал, что вот оно – счастье: находиться в реальном мире, а не в пространстве манаги.

Все мы оказываемся на перекрестках судьбы, и каждое событие открывает новые горизонты. После произошедшего Николая с легкостью провалил вступительные экзамены и решил, что разумнее всего будет ничего не говорить родным, а продолжать брать у них деньги. Вернувшись в квартиру брата, где его ждала большая уютная комната, Николая объявил Фросе, что станет жить в свое удовольствие и чтобы она не крутилась под ногами.

Фрося не спорила, у нее были свои проблемы. Худая и беспокойная, она сочиняла тексты песен, простенькие, как отношения между людьми, предлагала их в ресторанах и барах. Если приглашали – выступала, не требуя высоких гонораров, за еду и небольшую плату.

Восемнадцатая осень принесла в жизнь Николая детские разнообразия. Родные, казалось, забыли о нем. У Николая поселились несколько парней, которым негде было жить.

За ними появилась Кукушка – девятнадцатилетняя карманная воровка. Брюнетка с пышными формами

промышляла проституцией. Веселая, озорная, с густыми длинными ресницами, Кукушка добывала еду для всей компании. Своего ребенка она родила в шестнадцать и подбросила воспитывать бабушке и деду.

Николя не пользовался услугами Кукушки, в отличие от остальных, отчетливо понимая, что совершенно не испытывает влечения к женщинам.

В новой компании выделялся Клоп. Ему было около тридцати, он спал с мужчинами и женщинами. Клоп увлекался грубым сексом и тяжелыми наркотиками. От него Николя узнал, что такое игровое насилие, попробовал на себе, но ему не понравилось. Жестокость, пусть даже и не всерьез, не привлекала Николя.

Он начал ежедневно менять сексуальных партнеров, находя их по интернету. Отыскать мужчину на ночь оказалось несложно. Вечером Николя открывал страницу тематического сайта и рассматривал фотографии тех, кто создал там аккаунты.

«Мы – тема», – сообщали ищущие любви.

Николя убедился, что фотографии в анкетах – фальшивые. Обычно там размещали изображения героев из голливудских фильмов: в шляпах, масках или надвинутых на лица фуражках. Зато фотографии оголенных чресл и мускулистых ягодиц принадлежали авторам страничек, и это для знатока свободной любви было настоящим пиршеством.

Иногда Николя проводил несколько часов, разглядывая сделанные втайне от жен или родителей эффектные снимки. Здесь, на Кавказе, он отыскал немало геев и бисексуалов, тщательно скрывающих от родных и друзей свою ориентацию. Все мужчины на сайте были разными: одни искали любви, другие при личном общении выставляли себя напоказ, манерничали и хотели партнера на одну-две ни к чему не обязывающие встречи. Последних называли пидовками.

Если в Дагестане или в соседней с Дагестаном Чечне при легком намеке на нетрадиционные ценности убивали в своей же семье без всякого оправдания и сожаления, то здесь, в Ставрополе, могли избить или покалечить. Жертв выманивали через сайты знакомств в уединенное место и нападали группами. Убийства случались нечасто.

Николя погряз в разврате и безделье. Это была праздная сомнительная жизнь юнца, рассказывая о которой взрослый человек чувствует неловкость. Сколько в его постели было мужчин, Николя не смог бы ответить наверняка. Пару раз туда попадали девушки – изящные, стройные, как он сам. Наутро их имена Николя вспомнить не мог, как ни пытался.

Брат звонил два раза в год, чтобы поздравить с днем рождения и спросить, как учеба. Ничего не понимая в процессе образования, поскольку сам никогда не учился, а документы для Николя выбил из директора школы, старший брат верил младшему на слово. Николя покуривал сладкие длинные сигареты и безбожно врал Королю.

Квартира-вертеп приобрела популярность у неработающей молодежи. Воришки и наркоторговцы, среди которых помимо натуралов были «темы»: лесбиянки, геи, бисексуалы и прочие – считали своей обителью данное место.

Соседи Николя частенько вызывали милицию, но стражи закона, едва услышав прозвище старшего брата, ретировались, пряча лица, а затем и вовсе перестали принимать вызовы по данному адресу.

Неизвестно, чем бы все это закончилось. Порой, немного придя в себя от дурмана, Николя стал всерьез задумываться о самоубийстве. Он специально купил острые лезвия, какими пользовались в середине XX века.

Николя представлял себе ванну, наполненную горячей водой. Можно выйти из тела, сбросить его, как поношенное платье, забыть обо всем, очиститься и уплыть по воздуху, подобно призрачному фрегату.

Задувая свечи на торте, где красовалось число «22», в кругу веселящихся, обкуренных, малознакомых людей, Николя твердо решил не праздновать двадцать три года.

«Я одинок, – подумал он. – Одинок и покинут. Никто не подскажет мне, как жить, и ничто не поднимет меня ввысь. Это может сделать только любовь, которую я не встречал, или смерть, которую можно позвать».

Ему вспомнилась Даша, пользовавшаяся популярностью в поселке, и его смешная влюбленность. Где она сейчас? В чьей постели? Кузнеца? Бандитов? Или, может быть, уехала покорять столицу?

В юности Даша мечтала о Москве:

– Ты еще обо мне услышишь! Я буду богата и знаменита!

Воспоминания о той ночи, когда его изнасиловали, Николя гнал от себя, как постыдную нелепость. Словно без тех мужчин он не догадался бы, что ему нравится, а что нет. Не раскрылся бы самому себе. И обманывал окружающих, как тысячи мужчин, живущих в браке с женщинами.

Более всего Николя тревожило отсутствие родной души рядом. Он находил любовь только в книгах и в стихах Лорки.

Эта черная полоса длилась до октября, пока не случился ураган.

Могучие деревья клонились к земле, ветер был такой силы, что никто из местных жителей не выходил на улицу. Машины исчезли с городских трасс, и только двое сумасшедших назначили встречу третьему.

С утра разгорелся скандал: компания требовала продолжения пирушки, а деньги закончились.

Кукушке не удалось никого обобрать. И тогда Клоп, любитель ролевых игр, внес предложение:

– Давайте возьмем займы! Трахался я на прошлой неделе со смазливим пареньком из Северо-Западного района. Он из семейки богачей.

По поводу займа это, конечно, была шутка: никто деньги не возвращал. Поэтому все радостно загалдели.

– Кто не боится молний и ветра? – спросил Клоп.

– Я не боюсь, – ответил Николая.

Какая разница, где погибнуть. Зачем трудиться и резать вены, когда разряд тока в миллион вольт легко может испепелить?

Ночью Николая случайно отыскал в интернете информацию о Даше. Видео с ее участием висело на сайте порнографического содержания. Даша действительно стала знаменита – в определенных кругах.

Парни поверх курток набросили дождевики – прозрачные клеенчатые плащи с капюшонами, и вышли под ливень с градом. Оставшиеся в квартире жильцы проводили их недоуменными взглядами.

Дверь подъезда захлопнулась за ними, и они оказались на улице, где ненастье так разыгралось, что казалось, на Ставрополь обрушилась кара небесная.

– Мы договорились встретиться на автобусной остановке, в двух километрах отсюда, – прокричал Клоп.

– А кто он? – спросил Николая.

– Сам не знаю, – ответил Клоп, сопя носом. У него были проблемы из-за употребления героина.

– Как это?! – удивился Николая.

Клоп пожал плечами:

– Так вышло, что с ним трахался один парень. Потом я трахался. Кроме имени, вообще ничего не знаю.

И опережая следующий вопрос, Клоп добавил:

– Его зовут Захар.

Взявшись за руки и пошатываясь, как матросы при сильной качке, Николая и Клоп шли вперед сквозь ураган.

Николая начинал жалеть, что вызвался сопровождать спутника. О чем думал Клоп, неизвестно, но судя по выражению лица, он сильно хотел спать и периодически стряхивал с себя сновидения, делая головой резкие движения, как собака, которую обрызгали из шланга ледяной водой.

Остановка была выкрашена в коричневый цвет и представляла собой прочный металлический каркас. Внутри стояла скамейка из железа, которая летом всегда была грязная, потому что хулиганы забирались на нее ногами, весной и осенью – мокрая, а зимой – обледеневшая. Никто там не сидел, а скамейка была как символ заботы государства о народе.

Цвет остановки особенно врезался в память Николая. Внутри их ждал парень в светло-зеленой куртке, не сочетающейся с ненастной погодой. Его прическа была небрежной, и Николая не мог понять, это от ветра или такая модная стрижка. Часть светлых кудрей падала на правую щеку, а слева волосы казались намного короче.

Когда они подошли ближе, парень, стоявший полубоком, повернулся к ним, и Николая увидел, что куртка на нем расстегнута, а под ней ярким пятном выделяется желтая майка с листком конопли.

– Захар, – сказал парень и протянул руку.

У него была белозубая улыбка и широкие скулы, какие бывают у сильных мужчин. Николая почувствовал, что сердце екнуло и покатилося, а он не в силах догнать его и поймать. Терпкий аромат духов, высокий рост, большие синие глаза и ямочка на подбородке не давали повода сомневаться в судьбоносном знакомстве.

Но Николая все прошляпил. Он застыл словно истукан, рассматривая Захара.

Пока Николая приходил в себя от неожиданной встречи, парни уже попрощались.

Очнулся он оттого, что Клоп стукнул его ногой в тяжелом ботинке и сказал:

– Пора, возвращаемся!

– Как?! – в ужасе вскричал Николая, к которому наконец вернулся дар речи. – Где этот человек?

– Какой человек?

– Тут стоял. С тобой. Денег дал! – возбужденно размахивал руками Николая.

– Ушел уже.

– Как ушел?! Телефон? Адрес? Как найти?!

– Имя знаю. Остальное спрошу у друзей, – уклончиво пообещал Клоп.

Назад они шли приободренные.

Клоп радовался, что появились средства, а Николая даже не помнил, как они добрались до дома. Он не заметил, что ураган стих на обратном пути и более им никак не препятствовал.

После сытного ужина компания, проживающая в квартире, буянила. Парни подрались из-за сигарет, девицы, истерично визжа, их разнимали.

Соседи опять звонили в милицию, которая не приехала, а Николая сидел в углу и размышлял. Ему хотелось, чтобы шум прекратился и наступила тишина, такая глубокая, какая бывает в безлюдных местах, у сине-зеленых озер. Имя Захар ничем не могло помочь. Клоп заявил, что не хочет звонить своему бывшему парню, потому что брал взаймы, а номер Захара по ошибке удалил. Когда Николая напомнил про обещание, Клоп вначале его послал, а потом пообещал избить.

Люди, окружающие его, стали невыносимыми.

Впервые за много месяцев Николая не притронулся к алкоголю, не покурил травку, не понюхал клей, которым дышали девушки, выдавив его из тюбика в пакет и надев пакет на голову. Им хотелось «цветных мультиков», и жертвы токсикомании не жалели на их просмотр ни времени, ни сил.

Лежа на ковровой дорожке, Николай слушал стоны и охи, которыми в ночное время наполнялись коридор и комнаты: в оргии участвовали все желающие. Пару раз к нему подползал Клоп, любитель БДСМ, и гей Олежка, но Николай отходил их подушкой и так злобно наорал, что они ретировались. Николай свернулся калачиком и неожиданно дал себе обещание, что сумеет разрушить все, что создано тьмой. Потому что такая жизнь не является его мечтой. Он боялся одиночества и бежал от него, но влез в грязь, откуда, казалось, не выбраться.

Обитатели нехорошей квартиры обычно просыпались в полдень. Это было самым ранним утром для ценителей ночи.

Накрасившись и обругав тех, через кого приходилось перешагивать, чтобы найти свою одежду, Фрося ушла с новой подругой в бар.

Пару раз загревели пивные банки, на которые кто-то наткнулся в коридоре. Судя по шуму, упала и разбилась бутылка алкоголя. Николай встал, прошел в ванную комнату и глянул в зеркало.

Вот и все. Требовалось совершить мужской поступок.

Вода вернула бледным щекам румянец и заставила зажмуриться, а потом резко открыть глаза. Мягкое прикосновение полотенца напомнило руки бабушки. Умывшись, Николай почувствовал себя другим человеком.

Он взял деревянную швабру и, открыв дверь, ударил ею в пол:

– Подъем! Живо вставайте!

Обнаженные люди, представшие в весьма пикантных позах, зашевелились, но, сообразив, что кричит Николая, велели ему заткнуться. Ни уважения, ни сострадания он у них не вызвал.

– Чего орешь? – сказал Клоп. – Надо нюхнуть – так и скажи.

– Вон из моего дома, – строго и внятно произнес Николая.

– Что? – не поняли девицы и парни.

– Убирайтесь к чертовой матери! Пошли прочь! – орал Николая.

– Что ты нам сделаешь? – Клоп полез на рожон. – Кто ты такой? Мы здесь живем!

Николя оглядел присутствующих: на него смотрели удивленно и презрительно, – и у него сдали нервы.

– Ах вы бляди! – выругался он. – Собрали манатки и свалили отсюда!

Швабра продолжала лихо стучать по деревянному паркету, подобно посоху озлобленного Деда Мороза. До присутствующих начало доходить, что Николая не шутит.

– Ты серьезно, что ли? – спросили его. – Мы ведь обидимся.

В этот момент Николая осознал, что сейчас начнутся разговоры о братстве, как принято в среде проституток и воров, частенько вспоминающих о традициях совместного выживания, поэтому пришел в ярость и стал награждать ударами всех, кто попадался под руку.

– Убирайтесь нахер! – орал Николая. – Прочь! Прочь!

Ему хотели было заломить руки и отобрать швабру, но Николая был так зол, что выкрутился и пригрозил:

– Все Королю-Эльдару расскажу! Закопают на болотах. Чтоб духу вашего здесь не было!

Уходящие забирали бутылки, еду, наркотики, какие остались от вечеринки. Постепенно квартира опустела.

Николя был уверен в своей правоте. Он начал уборку. Отскрести и мыть дом предстояло несколько дней подряд, чтобы вернуть ему первоначальный божеский вид. Николя вынес мусор, тщательно вымыл окна. Он понимал, что осенние дожди вновь зальют стекла, но продолжал работу. Каждый раз, когда он уставал и ему хотелось отдохнуть, перед ним возникало лицо Захара, его синие глаза и белозубая улыбка, отчего силы прибавлялись как по волшебству.

Фрося, узнав от Кукушки и Клопа, что Николя не в духе, не являлась в квартиру неделю, и эти семь дней одиночества позволили ему насладиться покоем.

Николя сидел в сверкающей до блеска комнате, курил и смотрел в экран монитора. Иногда он заваривал себе крепкий кофе, чтобы не уснуть, потому что боялся снов. Во снах его мучили кошмары, вызванные лекарствами, которыми лечили душевнобольных. Их достал однажды Клоп и предложил попробовать. Последствием этого стал липкий и душный страх, таскающий сознание Николя по омутам памяти.

Он чувствовал себя безвольным, как тряпка на рогах быка, а ему хотелось менять реальность и создавать нечто прекрасное.

Николя не знал ни адреса, ни телефона Захара. Отыскать его в интернете было единственным шансом. Но на сайте гей-знакомств никто не светился под своим настоящим именем.

Черный кофе и сигареты много ночей подряд. Бесконечная череда проб и ошибок. Безымянные странички, нелепые сообщения. Он ругался матом, отталкивал Фросю, которая пыталась оттащить его от компьютера, и как безумный вглядывался в экран.

И без того худощавый, юноша выглядел страшно: щеки впали, глаза горели лихорадочным огнем, он не

притрагивался к нормальной еде. В меню были кофе и лапша «Роллтон». Николая, не заваривая, хрустел ею, как чипсами.

Когда Фрося приготовила яичницу и чай с мятой, Николай наконец поел и уснул прямо за столом. Ему снилась река. Вода в ней была по цвету как лунный камень. Над рекой раскачивался канатный мост. Николай стоял на берегу и, как ему показалось, вдалеке увидел силуэт Захара. Он возликовал! Забыв, что боится высоты, устремился вперед по шатким дощечкам. В середине пути произошла странность. Во-первых, он четко осознал, что видит сон, и никак не мог понять, что делать с этим знанием дальше. Получалось, все вокруг – энергия, а он обладает силой разрушить ее или изменить. Однако ни того, ни другого Николай сделать не успел. Захар на противоположном берегу посмотрел ему прямо в глаза, отчего Николай почувствовал головокружение.

Он хотел шагнуть вперед, но появилась преграда. Шум белой воды утих, и, посмотрев на горизонт, где висело словно вырезанное для детской аппликации багровое солнце, Николай понял: река замерзает от дыхания Борея. Волны и пена застывали мгновенно, образуя еще более сказочный, чем вначале, пейзаж.

– Я тебя не оставлю! – крикнул Николай, преодолевая скованность, и сделал несколько шагов вперед. Но мост стал рушиться, падать вниз, не оставляя надежды на спасение... Изогнувшись всем телом, Николай совершил последний прыжок... И очнулся на полу, около разбитой тарелки и перевернутого табурета.

Рядом стояла Фрося в шелковой комбинации, доставшейся ей в наследство от матери, и держала в руках подсвечник.

– Опять электричество отключили, – бормотала она. – Ты упал во сне, да?

Фрося помогла ему встать и проводила до софы, где он забылся до следующего дня.

На звонки Короля-Эльдара Николая перестал отвечать, потому что не хотел врать и оправдываться, а Фрося, когда ее спрашивали, лукавила, что сосед по квартире регулярно пишет контрольные и доклады. Такой вот верной подругой оказалась.

Пытаясь развеселить Николая, Фрося купила диск с арабскими мелодиями, и теперь, лазая на сайте в поисках возлюбленного, он напевал. Особенно Николая понравились персидские и турецкие напевы, в них было что-то дикое, вращающееся, как в белой реке из сна.

– Тебе костюм для танцев принести? – обмолвилась Фрося, уходя на работу.

– Было бы круто, – ответил Николай.

– Почему ты хочешь его найти? У него может быть другая семья, девушка или мужчина! Он может оказаться плохим человеком.

– Нет! Никогда так не говори! – Николай вскочил и угрозил ей пальцем. – Никогда! Это моя судьба. Я знаю!

Фрося пожала плечами:

– Что ты нашел в мужчинах?

– А что ты нашла в женщинах? – парировал Николай.

– Только женщина по-настоящему понимает другую женщину и доставляет ей удовольствие...

– Вот ты и ответила на свой вопрос.

За окнами падал снег, Ставрополь окутывала белая вуаль, а влюбленные все никак не могли отыскать друг друга.

Настенный календарь был исписан. Каждый день поиска Николая вычеркивал и оттого точно знал, что прошло шесть недель и четыре дня с той встречи на коричневой

остановке. Он ел печенье, купленное в ларьке у дома, и запивал его кофе.

На сайте в папку «Входящие» набилось несколько сотен сообщений: одни геи глумились над его паранойей, другие давали бесполезные советы. Перечитав послания, Николая отметил, что не обращался только к одному парню, указавшему подходящий возраст. На его аватарке было фото старца с бородой – совершенно непривлекательное для знакомства. Наверняка это очередной извращенец, а возможно, педофил.

Точно не «тема», решил Николая, но все-таки отправил сообщение, такое же, как и всем:

«Привет! Я ищу парня. Мы виделись только раз. Он помог деньгами».

Окошко на сайте мигнуло, и местный интернет со скоростью улитки потащил сообщение собеседнику. Прошло несколько минут, Николая закрыл глаза, а когда открыл, то прочитал ответ:

«Привет! Здесь все ищут парня. Если он еще и с деньгами, то это – подарок».

Николя подумал, что про него знает уже весь гей-сайт и кто-то шутит, поэтому написал:

«Не придуривайся!»

Собеседник прочитал это и прислал ему смайлик, который пил кофе:

«Ты сейчас пьешь кофе?»

«Да», – ответил Николая.

«Зачем ты искал того парня?»

«Потому что полюбил его с первой секунды, как увидел, хотя не сказал ему ни слова. Я не могу жить без него. Думая о его глазах, я забываю о сигарете, и она обжигает мне пальцы», – признался Николая.

«Что бы ты сказал ему, если бы нашел?»

«Я его не нашел».

«Ты ведь хотел спросить про погоду?»

Николя едва не грохнулся в обморок, ведь он действительно хотел спросить о погоде. Но вдруг это розыгрыш? Это кто-то специально врет, чтобы свести его с ума.

«Когда мы встретились, было солнечно».

Он написал заведомую ложь.

Собеседник на это ничего не ответил и скрылся из сети. Окошко перестало мигать зеленым, отключилось.

Николя не находил себе места. Он метался по квартире, приплясывал, затем разбросал подушки, упал в кресло и заплакал. Это были слезы надежды, которая появилась и пропала, словно парус на горизонте.

Несколько часов он просидел у компьютера, а когда окошко на сайте зажглось, бросился к электронному посланию, постукивая костяшками пальцев по поверхности стола.

«У меня интернет вырубил, – сообщил ему «дед с бородой», а затем добавил: – Врешь ты все про погоду! Был ураган, ливень и омерзительный ветер».

«Дай мне номер телефона!» – потребовал Николя, который решил не отступать и выяснить, кто перед ним.

Заветные цифры были вписаны в чистую тетрадь. Николя ощутил опьяняющую, ни с чем не сравнимую радость: это Захар! Захар!

Созвонившись, они договорились встретиться на следующий день в сквере у драмтеатра, где стоит памятник Лермонтову.

Утром моросил дождь. Открыв окно, чтобы выветрился сигаретный дым, Николя подумал, что вернулось вдохновение: ветвистые каштаны приветствовали его, раскачиваясь под ветром. Николя помахал им рукой, предчувствуя, что жизнь преподносит ему самое сокровенное, для чего, собственно говоря, он и родился.

Собрав по сумкам и карманам мелочь, Николя спустился по ступенькам. Он не стал пользоваться лифтом,

за которым закрепилась дурная слава: каждый день в нем кто-то застревал, часами ожидая пьяных лифтеров и надеясь на спасение.

За углом располагался двухэтажный супермаркет «Мухомор», где можно было купить курицу, специи на соус, зелень и фрукты. Прикидывая, как еще произвести впечатление, Николая выбрал четыре спиральных свечи для подсвечника и ароматические палочки – для создания романтической атмосферы.

Последнее время людей Николая избегал: они стали ему патологически противны, особенно после гоп-компаний.

Полная женщина-кассир в красной косынке и красном фартуке посчитала на деревянных счетах, сколько он должен. Такие счета Николая не видел со времен распада СССР.

– Касса не работает, – объяснила кассир. – И канализация второй день как забита. Бегаем в туалет под кусты.

– Угу, – кивнул Николая, припоминая, что и товар у них не всегда свежий, хотя в городе супермаркет считался неплохим.

– До чего страну довели?! – то ли спросила, то ли уточнила кассир, поправляя красную косынку.

– Ага, – согласился Николая.

– Ты, наверное, еще в армии не был. Там сейчас жуткое насилие и разврат. Недавно мы племянника отправили. Еле живым вернулся. Убивают. Насилуют! Отжимают мобильные телефоны, деньги, еду из дома...

Николая выбежал из «Мухомора» и едва не наступил в кучу дерьма. С подозрением оглянувшись на вход в супермаркет с надписью «Добро пожаловать!», он фыркнул и устремился в свой подъезд.

– Ну вас на хуй, люди, – бормотал Николая. В руках он держал пакет с добычей.

Припоминая разговор с кассиршей, он вздрогнул от омерзения, но совсем не к пышной даме, а к тому, о чем она говорила. Это было правдой.

Дома Николая застал Фросю. Она вытаскивала вещи из стиральной машинки. Светленькая, тощая, в шортиках и топике, Фрося напоминала подростка, который не слушает родителей и сильно пьет.

– Очень хорошо, что ты пришла, – сказал Николая. – Иначе случился бы казус. Собирай сумку и проваливай!

– Нет! Я плачу за комнату! – заерепенилась Фрося. – Компанию шлюх и воров выгнал, и правильно. А меня не смей!

Николя взял Фросю за плечи:

– Я его нашел. Ты меня понимаешь? Сегодня наш первый ужин! Сваливай на неделю, не меньше. Потом созвонимся.

– Э, нет, – ответила Фрося и отправилась на кухню, где варился суп.

– Фрося, мне надо, чтобы ты отчалила! – в отчаянии развел руками Николая. – Ты можешь пойти к подруге.

– Мы расстались! – выпалила Фрося, вытирая слезы. – Эта стерва снова мне изменила!

В другой раз, возможно, он выслушал бы очередную любовную трагедию Фроси, но не сегодня.

– Пожалуйста! – взмолился Николая. – Ты можешь переночевать в баре!

– Ладно. – Фрося уступила. – Приду через несколько дней.

Девушка начала укладывать сумку, бегая по квартире и собирая разбросанные шмотки, для того чтобы уйти и дать другу шанс на счастливую ночь.

Николя решил запечь курицу до золотистой корочки вместе с овощами и фруктами, залив все лимонным соком и украсив зеленью. Так учила его бабушка Ула. Во

время подготовки Николая вспомнил Тату. Как немой укор, она являлась ему в снах, веря, что однажды Николай станет вегетарианцем. Николай это чувствовал. Ему всегда становилось неловко и приходилось объяснять несущке, что мясо он ест редко, только по праздникам.

«Главное – кофе и табак», – говорил Николай и гладил во сне обезглавленную курицу. В ответ Тата хлопала крыльями и подпрыгивала на когтистых лапках.

– Ухожу! – Возглас Фроси вернул Николая к реальности.

Через пару минут он посмотрел в кухонное окно: Фрося семенила к остановке с черной спортивной сумкой на плече. Девушка оглянулась и помахала рукой. Николай догадался, что она его не видит, но улыбнулся в ответ. Как-никак, это его единственная настоящая подруга.

Ужин был готов к пяти вечера. Николай почистил медный подсвечник и вставил в него свечи. Особой гордостью была припасенная в кладовке бутылка аргентинского красного каберне совиньон. Она стояла рядом с фужерами, невинными и прозрачными, еще не наполненными виноградной кровью. Насыщенный вкус каберне Николая всегда связывал с летом и ароматом черной смородины.

Что подумает о нем Захар? Николай взглянул в зеркало и беспокойно вздохнул. Волосы, не стриженные много месяцев, прилично отросли. Бледное лицо и бездонный взгляд создавали образ чернокожника.

Волосы он решил не стричь, а собрать в хвост и украсить лентой.

Зеленые глаза обрамляли тени от бессонных ночей. Николай надел черную шелковую рубашку, впитавшую в себя брызги «Kenzo» – мускус и амбру, новые брюки и кожаный плащ, привезенный братом из Италии.

Дорога до парка занимала около получаса. Ветер ослабел и не раскачивал деревья. Осень уступала свои права

зиме. Снежные облака надвигались на Ставрополь, чтобы преобразить все вокруг, прогнать черноту и слякоть.

«Вдруг ничего не получится? Тогда мне не жить», – сказал сам себе Николая.

Страшней всего признаться в своих желаниях. Человек прячет сокровенные тайны от чужих глаз. Николая любил книги и верил им, а не людям. Но сейчас решалась его судьба, а здесь без доверия не обойтись.

Шаги замедлились, как во сне, словно он опять бежал по мосту над белой рекой.

Он узнал Захара издали, его светло-зеленую куртку, которая была явно не по погоде, синие джинсы и цветные кеды. Захар, как и договорились, стоял у памятника Лермонтову. Николая подкрался к нему со спины и с восторженным смехом, не веря своей удаче, хлопнул его по плечу:

– Салют!

– И тебе привет! – ответил Захар.

Николя ничего не знал о человеке, стоявшем перед ним: его возраст, есть ли у него семья, каковы его пристрастия. Он потратил несколько недель, досконально исследовал сайт, на котором собирались геи, чтобы найти его. А сейчас язык прилип к гортани, слова выпорхнули из головы, подобно легкокрылым мотылькам. Захар улыбнулся, сообразив, что происходит с Николая, и предложил:

– Пойдем к тебе. Ты обещал угостить меня ужином! Ты умеешь готовить?

– Я... – только и смог произнести Николая. – Я старался, бабушкин рецепт...

– Ты с бабушкой живешь? – спросил Захар, поддержав Николая, так как тот покачнулся и едва не упал от волнения.

– Нет, – покачал головой Николая и сумбурно начал пересказывать свою биографию.

Ноги вели Николая в правильном направлении, рот не закрывался. Больше всего на свете он боялся, что не понравится собеседнику. Этот страх неимоверно мучил его.

– Не волнуйся, – успокоил его Захар. – Говори все, что пожелаешь, а я буду слушать.

Николя взбодрился и рассказал о маленьком селе над пропастью, о баранах, пасущихся на зеленых склонах, о том, что в их шкуре густой туман сплетает колечки, о жестоких обычаях – «убийстве чести», когда родители лишают детей жизни за незначительные проступки.

– Я уехал из поселка Аврора и живу в квартире. Никто не знает, что я провалил экзамены. Только бабушка Ула догадывается, но молчит, не предает меня.

– У тебя золотая бабушка, – сказал Захар, когда они подошли к подъезду.

– Надеюсь, ты оценишь мою стряпню.

Захар шел за ним следом, поднимался по лестнице и ни разу не кивнул на лифт, услышав о страхе замкнутого пространства.

От волнения руки не слушались Николая, ключ не попал в скважину замка, и дверь открылась только с третьей попытки. Они вошли в коридор, где горел хрустальный светильник, шесть лилий, отбрасывающий причудливые радужные узоры на стены и потолок.

Николя положил ключи на полку у зеркала и посмотрел на Захара: в зеркальном отражении его лицо выглядело спокойным и уверенным. Невольно Николая поймал себя на мысли, что хочет создать семью.

Захар плавно повернул его к себе и поцеловал. Николая почувствовал пальцы спутника на затылке. Захар был первым, кто сделал это так чувственно и нежно. В его ласковых прикосновениях, в его чарующем запахе Николая мгновенно растворился, слившись с ним в единое целое.

Крепкие объятия охраняли от воспоминаний прошлого и спасали от бремени одиночества.

При входе в комнату шелковая черная рубашка улетела прочь. Где-то в коридоре остались куртка и плащ. Захар взял на себя роль ведущего, в его уверенных движениях была искушенность и ритм. Николая не понимал, дышит он или нет, так преобразилось его сознание, наполняясь вихрями золотых энергий. Он услышал горячий шепот Захара: «Иди ко мне!» – и упал в постель, не разжимая объятий.

На кухне в подсвечнике стояли девственные свечи, до утра нераспечатанным сохранилось вино, потому что двое любили друг друга, предпочитая чувственное наслаждение грубой земной пище.

Николая проснулся оттого, что позвякивали тарелки и вкусно пахло. Запланированный ужин стал многообещающим завтраком. Захар расхаживал по квартире, соорудив из банного полотенца набедренную повязку. Его мокрые волосы после душа пахли клубникой.

В духовке Николай обнаружил шарлотку.

– Я обожаю готовить, – объяснил Захар, отодвигая стул, чтобы Николай мог присесть.

Новый день озаряли зажженные свечи, предвещающая мгновения, когда никто не будет одинок.

Захар признался, что в свои девятнадцать имеет внушительный опыт отношений с мужчинами и с женщинами.

– Бисексуальность – это свобода. Но жить с девушкой под одной крышей я не готов, сейчас мне нужен парень.

Захар говорил спокойно, без всякого пафоса.

Николая, попробовав шарлотку, убедился, что перед ним отличный кулинар.

– Я искал себе пару, – словно читая его мысли, продолжил Захар.

Николя хотелось прыгать и кричать от радости. Красное вино со вкусом черной смородины пришлось весьма кстати. Он, сделав несколько глотков, не удержался от поцелуя, чтобы разделить терпкий сладкий вкус с любовником.

– Мы будем жить здесь. Мы будем жить вечно, – сказал Николя. – Твои родители ведь знают, что ты не такой, как все?

– Нет, – покачал головой Захар. – Они ничего не знают. Мои отношения не были настолько длительными, чтобы отец или мать что-то заподозрили. Обычные знакомства на сайте, короткие встречи. Но меня часто нет дома... Поэтому родные ни о чем не догадываются. Отца убьет известие, что я сплю с мужчинами.

– Моя семья тоже ничего не знает, – признался Николя, ощущая, как вино разогревает кровь. – Брату я рассказал о насилии, но тогда все случилось не по моей воле, а бабушка и отец и вовсе пребывают в неведении.

– А жена брата? – спросил Захар, сверкнув глазами. Он уже неплохо разобрался в родных Николя.

– Лиана? Ей некогда. Заботы по дому, дети... В строгой татарской семье она о таком и не слышала. А у нас в Дагестане геев забивают до смерти.

– Здесь тоже несладко, – заметил Захар. – Я родился и вырос в Ставрополе. Отец – полковник. Мать – врач. Считается, что наша семья достаточно влиятельна. Отец настаивал, чтобы я шел в армию и делал карьеру военного, но я не хочу.

– Чем увлекаешься? – спросил Николя и добавил: – Я читаю книги и по возможности избегаю людей.

– Меня с детства готовили к военной службе. Карате, прыжки с парашютом. Ты знаешь, сколько у меня прыжков? Двести одиннадцать. Первый раз я думал, что

потеряю сознание, но отец лично выпихнул меня из кукурузника, отвесив крепкую оплеуху. Я хватался за него и умолял этого не делать.

– Но он бросил?

– Да. Когда я приземлился, отец нашел меня и вlepил пощечину. Ему было стыдно, что я испугался. Таким был мой первый прыжок. Затем, в семнадцать, я понял, что хочу увидеть горы. Так начался путь альпиниста.

– Когда ты был в горах последний раз? – спросил Николая.

– Летом побил свой прошлый рекорд в три тысячи метров. От Ставрополя до Эльбруса рукой подать. Мы с приятелями пошли самым сложным маршрутом по северо-западному ребру. Эльбрус – это гора, вокруг которой кружится ветер. Наше снаряжение было тяжелым. Пару дней мы жили на адаптационной высоте. Вдали от городской суеты я не мог уснуть. Вбирал в себя красоту ночного неба. Боже! Там такие огромные звезды! Они так близко, что кажется, будто ты паришь, оторвавшись от земли. Через десять дней я стоял на вершине.

– Это же более пяти тысяч метров!

– Да, так и есть.

– А я искал тебя. Не находил покоя. Никто не говорил твой телефон.

– Клоп предупредил, чтоб не связывался. Сказал, что у тебя дома оргии и бесконечные попойки.

– Вот засранец! – разозлился Николай.

Захар ухаживал за партнером, подливая в его бокал каберне, словно они сидели не на кухне, где стол покрывала клеенчатая скатерть, а в дорогом ресторане. Николай нравилась роль слабого, нуждающегося в заботе. Он понимал, что хочет быть заключенным в объятия, чтобы его не отпускали от сердца, в котором столько огня и боли.

Через три дня позвонила Фрося, и Николая обрадовался возможности поделиться счастьем.

– Ты представляешь, – перебил он ее, – у нас была волшебная ночь! А за ней еще одна, и еще... мы решили жить вместе! Это такая страсть! Я ждал эту любовь долгие годы, годы одиночества, страха и ненависти. Захар, как и я, обожает литературу и музыку. Он прыгает с парашютом!

– Наверное, после жаркой ночи, когда он пригласил тебя сесть рядом, ты ответил: «Нет, спасибо, я постою», – съехидничала Фрося.

– Не болтай, – прикрикнул Николая. – Можешь возвращаться в свою комнату, когда пожелаешь.

– Я нашла работу с проживанием, – сказала Фрося. – Заеду и заберу вещи на днях. Счастливо вам оставаться, голубки!

И она положила трубку.

Захар проведал родителей, объяснил, что отправляется в горы, взял паспорт и ушел из дома. Он занимался профессиональным альпинизмом, поэтому отец и мать поверили – отпустили сына со спокойной душой. А Захар ушел к Николаю.

Вместе они прожили три недели, полные любви и неги. Софа обрела вторую жизнь, переродилась и начала забывать о беспокойных жильцах, некогда ломавших ее пружины.

Это было счастливое время, когда наслаждение друг другом достигло апогея и не нужно было беспокоиться о насущном хлебе, о родных или отвечать на неудобные вопросы. Однако наш мир не отличается постоянством, балансирует на грани распада, создает сложности для каждого осмелившегося здесь появиться, а потому утренний телефонный звонок Фроси стал первым тревожным сигналом, предупреждающим об опасности.

– Привет, Николая, – сказала Фрося прерывающимся голосом. – Звонил Король. Он в ярости. Не знаю откуда, но он узнал, что ты нигде не учишься, а деньги, выделенные на учебники и еду, ты тратил на тех, кто проживал у тебя. Меня за то, что не донесла, Король пообещал избить, а с тобой, сказал, разберется позже.

– Где он?! – спросил Николая.

– В Сибири. Приедет через неделю. Хочешь совет? Надо бежать, пока не поздно. Проси помощи у бабушки, она тебя защитит. Пока!

Фрося прекратила разговор, а попытавшийся ей перезвонить Николая услышал, что абонент недоступен. Захар хлопотал на кухне, готовя сметанную подливку для кролика. Услышав звонок, он крикнул:

– Что случилось?

Декабрь был их маем, месяцем тепла и света. Это был декабрь, вернувший веру в чудеса. Но календарь неумолимо показывал первое января, новый этап, завершивший собой дни в их убежище.

Николя описал Захару возможные события, и этот прогноз не предвещал ничего хорошего. После этого ими было принято решение написать письмо. Сидя за кухонным столом, в фартуке, Захар сочинял восточку для семьи. Он не посмел признаться, что помимо женщин у него была связь с мужчинами, а сейчас он встретил любимого человека. Несколько раз он рвал написанное и, не слушая подсказок Николая, твердо повторял слова Антона Чехова:

– Краткость – сестра таланта!

В итоге письмо получилось следующего содержания:

Здравствуйте, мама, папа и сестренка!

Я вас люблю и никогда не забуду. Но вы должны понять, что я взрослый и самостоятельный. Я остаюсь жить у друга. Не беспокойтесь обо мне.

Домой не вернусь.

Захар

– Если я признаюсь, что бисексуал, думаю, отец убьет нас, – запечатывая конверт, сказал Захар.

Его растрепанные волосы цвета спелой пшеницы вызвали у Николя такое умиление, что он распустил свои, чтобы больше походить на любовника.

Выпив шампанского, они оделись и отправились на почту. Обоих интересовал вопрос: долго ли будет идти письмо. Почтовое отделение, куда вошли Захар и Николя, отряхивая с зимней обуви снег, было центральным, и работница почты, неприветливая женщина, поскольку заставили работать на Новый год, угрюмо буркнула, что адресат получит конверт не раньше десятого числа.

– Это точно? – спросил Николя.

– Да. Сто процентов! Раньше почтальон не принесет.

Весть о загубленной репутации достигла поселка с серьезным опозданием. О надвигающемся позоре Уле сообщил сосед, приехавший погостить в Аврору из Ставрополя.

Короля-Эльдара в округе уважали, и теперь получалось, что младший брат облил грязью их могущественное семейство и поэтому заслуживает неизбежной смерти.

Криминал высокого уровня всегда был в почете на Руси, еще со времен Соловья-разбойника, а мужеложство жестоко каралось. Ула не знала, как убедить сына помиловать Николя. Она и представить себе не могла, что ее внук спал как женщина с другими мужчинами. Лиана, беременная четвертым ребенком, пыталась утешить Улу и не до конца верила тому, что рассказали о жизни Николя.

Но после Тимура рождались одни девочки, и она не имела права голоса.

На семейном совете, собравшемся в отсутствие Короля, отец, к которому от возмущения частично вернулся голос, принял решение для начала выгнать Николая из квартиры.

– Этот лжец и греховодник мне не сын, – заявил он. – Я его не знаю и знать не хочу. Пусть Король решит эту проблему и сотрет позор с нашего рода. Даже место, где закопают развратника, будет проклято.

– Правильно, – поддержала родственника троюродная тетка, которой Король купил дом и регулярно ссужал деньги. – Избавиться, чтобы имя его забыли! Представляете, какая блажь, я обращаюсь к нему – Насух, а он в ответ: «Меня зовут Николая!» Вот оно – дурное влияние Запада! Николая? Где это видано!

Остальные мужчины клана, присутствующие на семейном совете, согласились с вердиктом отца. Увещевания Улы и слезы Лианы ничем не помогли, и они разошлись по комнатам, убаюкивая детей. Каждая в глубине сердца надеялась на чудо, которое бы спасло жизнь непонятному им, но горячо любимому родственнику.

Когда малыши уснули, Ула прокралась в сарай и позволила Николаю.

– Что же ты натворил! – плакала старая женщина. – Помнишь, в соседнем селе был молодой пастух? Подозрения его дяди хватило, чтобы односельчане набросили удавку на шею пастуха и забили палками. Его труп был так изуродован, что родная мать не узнала. Закопали тело среди камней, без молитвы, ночью! Как ты мог допустить, чтобы про тебя сказали подобное? Поклянись мне, что это ложь! На коленях буду ползать перед твоим отцом, чтобы пощадили!

Ула не замечала, что воротник ее кримпленового платья промок от слез, и все твердила в трубку, чтобы Николай поклялся в том, что никогда не позволил бы мужчине коснуться себя.

– Бабушка, милая, – ответил Николая, глядя с балкона вниз, на сугробы. – Это правда. Все, что тебе сказали, правда! И если меня должны убить, пусть так и будет. Не рви себе сердце. Я тебя очень люблю.

В ответ он услышал нечеловеческий вопль, а затем глухие рыдания, которые Ула пыталась заглушить, кусая рукав своего одеяния.

– Погоди, – сказала Ула, когда вдоволь наплакалась. – Я не знаю Ставрополь, но попрошу, чтобы меня отвезли за покупками. Есть на черный день записка. Я отдам... Ты беги в Москву. Москва, говорят, большой город, ты сможешь там укрыться.

– Спасибо, бабушка. – Николая почувствовал, что тоже плачет.

– Все будет хорошо, – сказал Захар, обнимая его. – Мы никогда не расстанемся. Так и скажи всем этим людям!

План казался идеальным: паспорта, без которых в России нельзя купить билет на поезд, были на руках. Щедрое предложение бабушки Улы пришлось весьма кстати. Деньги закончились: их истратили на бытовые нужды. Захар последние полгода не работал, а до этого был барменом и собирался поступать в институт на спортивный факультет.

Ждали ее приезда.

Может быть, это Лахесис, средняя из мойр, рисует узоры на замерзшем стекле? Мойры не подчиняются даже богам, утверждал Гомер. Линии и цветы из подлунного мира появляются не просто так. В детстве мы верим, что за этим кроется волшебство.

Как бы там ни было на самом деле, нельзя отрицать, что сверхъестественные силы вмешиваются в дела людей. Сильным даны более суровые испытания, чем слабым. Их учат преодолевать падение. Обогащаясь опытом, души уносят знания в свои следующие воплощения.

Письмо пришло родителям Захара не десятого числа, как обещали на почте, а третьего января.

Захар не зря боялся отца и никогда не говорил ему о своей ориентации. Юрий Натанович Сотников имел звание полковника, прошел несколько горячих точек и отличался довольно свирепым нравом. Его супруга Наталья Федоровна, акушер-гинеколог, нерешительная полная женщина с большими голубыми глазами, пряталась у соседей, если знала, что муж гневается. Она боялась его не только из-за командирского голоса: не раз она становилась свидетелем того, как в доме летала посуда и крушилась мебель. Так Юрий Натанович выражал негодование из-за проступков детей: сына Захара и дочери Ангелины. Бить родных – не бил, но обстановку в квартире меняли три-четыре раза в год.

Прочитав письмо, Юрий Натанович взревел от досады и с размаху стукнул кулаком по обеденному столу, расплескав щи с бараниной на батистовую скатерть. Наталья Федоровна тихонько заплакала и прижала к себе Ангелину. Не обращая на жену и дочку внимания, Юрий Натанович бросился в прихожую к телефону.

У полковника в запасе были связи по всему городу. Поэтому несмотря на хитрость (адрес отправителя был взят Захаром из головы) через полчаса Юрий Натанович уже изучал присланную из милиции бумагу, на которой было написано, по какому адресу последние три недели функционировал мобильный телефон его старшего ребенка. К присланной бумаге прилагалась ксерокопия паспорта Николая, зарегистрированного на данной жилплощади.

Началась осада.

В квартиру постучали, и Николая, решив, что принесли пиццу, пошел открывать. Однако в коридор ввалились незнакомцы – мужчина и женщина. Седовласый мужчина выглядел представительно. Он был в дорогом пальто

с меховым воротником. Женщина рядом с ним казалась запуганной и неуверенной. Ее руки дрожали и, пытаясь успокоиться, она сцепила их в замок.

– Где наш сын Захар? – властно спросил мужчина.

– Здесь нет такого, – заплетающимся от ужаса языком пробормотал Николая.

Мужчина оттолкнул его и прошел вглубь. Захара обнаружили за шторой, где он попытался спрятаться.

– Собирайся! Мы едем домой! – приказал отец.

Возразить Захар не посмел. Он молча надел свою легкую куртку, взял шарф Николая, заботливо связанный Улой. Николая едва заметно кивнул, разрешая любимому взять свою вещь.

Оставшись один, Николая почувствовал себя так отвратительно, что зашел в ванную комнату и достал те самые бритвы, которые купил для самоубийства. Горечь потери становилось нестерпимой. Никто не позволит им быть вместе. Не в этом мире.

Николая посмотрел в зеркало и улыбнулся. Нет. Еще не пора. Их чувства слишком крепки. Нельзя уступать тем, кто давно ничего не помнит о настоящей любви.

Захар не сказал ни слова, но в нем была решимость, и Николая надеялся, что он вернется.

Владимир Высоцкий пел о том, что горы покоряют храбрецы. Трусам там не место. Захар несколько лет занимался альпинизмом, и ему не составило труда сбегать с шестого этажа из своей комнаты, где отец запер его для дальнейшего разговора.

Постучав через несколько часов в дверь Николая, Захар показал бутылку коньяка, которую прихватил из дома, спускаясь по простыням, связанным между собой.

– Живем! – подмигнул он.

Электричество в квартире не включали. Сидели тихо. Родители Захара вернулись к ночи и, набрав камней,

бросали их в окна Николая. Затем вместе с припозднившимися жильцами они проникли в подъезд и в отчаянии колотили в дверь.

– Где наш сын?! Захар, выходи! Мы не отдадим тебя в гейский притон! Здесь живут извращенцы! Пидарасы!

Юрий Натанович Сотников кому-то звонил и требовал прислать милицейский наряд, чтобы заковать извращенцев в наручники. Наталья Федоровна причитала и плакала.

Покричав несколько часов кряду, родители Захара ушли.

Вещи были собраны. Но не было денег на дорогу.

Николя выставил на продажу через интернет компьютер и телефон – единственное, что имел в наличии. Фрося, узнав о случившемся, решила каждые два часа узнавать новости и, связавшись с бабушкой Улой, передать от нее деньги. Сидели, ждали звонка от Фроси.

Станным было то, что родители Захара внезапно исчезли. Прояснилось все позже, когда Ула позвонила из поселка, спрятавшись в сарае.

– Николая! – сказала бабушка. – Я еле поймала телефонный сигнал. Бегите! Меня не отпускают в город. Доверять никому нельзя. Родители Захара у нас. Они купили в милиции наш адрес, узнали все про нашу семью. Здесь был скандал. Юрий Натанович приехал с автоматом, твой отец схватил ружье, еле развели! Слава богу, Короля нет. Он еще не вернулся из Сибири. Мать и отец твоего парня заявили, что ты – вор и хотел обчистить их дом. Обещали, что посадят. Я умоляла их одуматься, предлагала чай. Больше нам их не задержать, они возвращаются в город...

– А Король-Эльдар когда вернется? – спросил Николая.

– Не знаю. Прощай и береги себя!

Судя по шуму в трубке, бабушку Улу кто-то обнаружил и начал отбирать у нее телефон.

После этого звонка Захар и Николая стали совещаться, что делать. Решили вызвать такси и ехать на железнодорожный вокзал.

Надо сказать, что в Ставрополе такси не приезжает слишком быстро. Ждали почти час. Николай убедился, что около их двери именно таксист, и открыл ему. Это оказалось ошибкой. Отодвинув таксиста, в квартиру ворвались родители Захара. Наталья Федоровна отобрала у Захара паспорт.

– Немедленно возвращайся домой! – заходила в истерике женщина. – Ты никогда не будешь голубым! Ты наш единственный сын!

Она вытащила Захара на улицу.

Юрий Натанович набросился на Николая и стал хладнокровно избивать его. Причем делал это профессионально. Николай не сопротивлялся. Он закрывал лицо руками, боясь, что ему выбьют глаза, и старался, по мере возможности, увернуться от ударов. Когда Юрию Натановичу надоело бить, он схватил Николая за шкуру, как хватают непослушных котов, поднял в воздух, встряхнул и прокричал:

– Оставь нашего сына в покое, гомик! Иначе я убью тебя!

За сорвавшийся вызов таксист, все время карауливший у двери и не вмешивающийся в происходящее, настойчиво потребовал наличные. Юрий Натанович расплатился, а затем потащил Николая на кухню. Они сидели за столом, и Юрий Натанович стучал кулаком под носом у Николая:

– Ты вор! Я в милицию напишу заявление, что ты взломал мой дом и украл накопленные сбережения! Спустил все на наркоту! Ты не доживешь до конца недели! Я обещаю!

Николай трясся и молчал.

– Оставь моего сына Захара! – кричал полковник.

Напоследок Юрий Натанович отвесил Николаю несколько пощечин, обозвал нецензурными словами и ушел.

После этого у Николая разболелась голова и снова появились мысли о самоубийстве как о единственной возможности выхода из этой реальности.

На софе между подушками осталась спрятанная Захаром записка: «Любовь моя, я все равно буду с тобой. Я найду способ бежать!»

Через час раздался звонок в дверь. Это вернулся Захар, сказав родителям, что забыл нужные вещи и поехал их забрать, так как одумался и более жить у друга не намерен.

Николя разрыдался, услышав от любимого такие слова. Захару было жаль Николая, на лице которого уже начали проступать синяки. Он стал утешать его, обещать, что все обойдется, уляжется. Отец по телефону контролировал Захара, требуя, чтобы тот быстрее ехал домой.

– Матери плохо с сердцем! – гремел голос Юрия Натановича. – Торопись!

Ни на минуту нельзя было выключить мобильник.

У Николая началась паника:

– Не верь им! Они притворяются, чтобы ты бросил меня!

– Прости! – ответил Захар, целуя его на прощание. И уехал домой к сестренке, отцу и матери.

Путь к бабушке оказался перекрыт, и взять у нее деньги не было никакой возможности. Возникла и пропала идея обратиться за помощью к местному депутату, скрытому гомосексуалисту. Хорошенько подумав, Николая не отважился. Кто знает, как отреагирует депутат на намек, что они одной крови, могут ведь по его приказу и шею свернуть.

Часы ожидания, проведенные в полной неизвестности, оказывали губительно влияние на психику. Николая курил, бродил по квартире, включал и выключал свет, а затем пожалел, что нет наркотиков, выпил кофе и уснул.

Захар приехал на рассвете без сумки и документов. Отец запер паспорт в сейфе, а сумку с ноутбуком и собранной в дорогу одеждой мать отнесла к соседям.

– Как ты пришел? – изумился Николай. Его зеленые глаза светились гордостью: ради него никто раньше не совершал таких подвигов.

– Спустился по стене. Мое альпинистское снаряжение родители забыли изъять из кладовки. Сейчас я вернусь домой, пока они ничего не заподозрили, а ты утром поезжай на вокзал. Возьми свои вещи и жди меня!

Как только Захар ушел, приехала Фрося. Девушка привезла еды и деньги на билеты.

– Николай, куда вы поедете? – спросила она. – Ты совсем бледный. Поешь.

Фрося достала купленный в супермаркете за углом салат с креветками и макаронны с сыром. Голодный Николай набросился на еду:

– Куда мы отправимся, тебе лучше не знать. Кстати, почему ты вернулась?

– Беспокоилась за тебя. Я постараюсь уехать за город и останусь там, пока все не уляжется. Если Король спросит, скажу, что ничего не знала и не подозревала. Притворюсь валенком, – ответила Фрося.

Раздался звонок с незнакомого номера, и поначалу Фрося и Николай испугались, что это Король-Эльдар прислал своих дружков с ними разобраться, но оказалось, что откликнулись на объявление о продаже компьютера.

Приехала семейная пара, чтобы посмотреть монитор и системный блок. Николай устраивала любая цена, поэтому он не торговался.

– Случилось чудо, – сказал Николя, когда покупатели забрали компьютер. – Это ангелы привели их.

– Или демоны, – пошутила Фрося. – Главное, что высшие силы не оставили тебя в беде. Наверное, это и впрямь любовь, хотя я никогда не встречала ее и не верю, что она существует!

В два часа пополудни Николя и Фрося приехали на железнодорожный вокзал и простились. Николя был в дубленке. В сумке лежали запасные свитера и носки. Девушка отправилась искать электричку, чтобы добраться до Кукушки и перекантоваться у нее: карманная воровка скрывалась от милиции в пригороде. Николя остался ждать Захара, вернувшегося в родительскую обитель с намерением стянуть хоть какие-то зимние вещи.

К вечеру выяснилось, что ничего стянуть не удалось, кроме паспорта, который выкрала для него сестренка. Слез он с шестого этажа по той же стене. Спасибо родителям: приучили к экстремальным видам спорта.

Фросиных денег хватило на два билета до Ростова-на-Дону.

Трясаясь в плацкартном вагоне, парни вытащили из телефонов сим-карты и, разломав их, выбросили в окно.

– Так надо, чтобы нас не вычислили друзья отца, – объяснил Захар.

Николя ему сразу поверил. Технологии нынче такие, что запросто вычислят и сдадут.

– Мы все преодолеем, – сказал Николя, когда они вышли в тамбур покурить. – Главное, мы никогда не расстанемся. Я принадлежу только тебе!

Между Ростовом-на-Дону и Ставрополем примерно триста пятьдесят километров, поезд идет около семи часов. Поэтому на ростовский вокзал они прибыли поздно ночью. Сразу выяснилось, что в зале ожидания могут

находиться только те, у кого на руках есть непогашенные билеты, поэтому их выгнала на улицу охрана.

Парни подобрали газету, брошенную кем-то на перроне. Этот неизвестный человек стал их спасителем. Именно благодаря ему они отыскивали адрес отеля недалеко от железнодорожного вокзала. Не ночевать же на улице январской морозной ночью, когда температура минус семнадцать! Усталость наваливалась как снежный ком. Номер в отеле стоил баснословных денег. Пришлось отдать все, что выручили за компьютер, чтобы не замерзнуть. В номере они упали и заснули мертвым сном, не в силах говорить.

Администратор предупредил, что выселит их в полдень, невзирая на то что Захар и Николая въехали ночью.

– Такие правила, – объяснил он.

Завтрак не полагался. Единственное, что удалось сделать, – это принять душ.

Выйдя из отеля, парни купили новую сим-карту, и Николая позвонил единственной ростовской знакомой. Они дружили на сайте литературы. Обсуждали новеллы и повести, которые выкладывали в интернет книжные пираты. Знакомая сидела на сайте под псевдонимом Аллаз41.

Аллаз41 взяла трубку и, узнав, в чем дело, начала обзванивать друзей. Однако никто не захотел приютить у себя двух геев. Отказ следовал моментально.

К себе Аллаз41 пригласить их тоже не смогла.

– Ты должен понять, что дружить на сайте – одно, а принять в доме... э... хм... как бы лучше выразиться, нетрадиционных молодых людей... – Аллаз41 тщательно подбирала слова. – Гомосексуалистов! В свой дом! Господи! Это же катастрофа! От меня отвернутся родные и заплюют приятели!

После длинной отповеди об обязательном покаянии, Содоме и Гоморре Аллаз41 сказала, где находится ярмарка по сдаче жилья.

Захар и Николая, взяв такси – Ростов-на-Дону им был совсем незнаком, – отправились по адресу, не имея ни копейки денег. Заветное место находилось на улице Московской. Там толкались и маклеры-посредники, и сами владельцы квартир.

Захар и Николая простояли на ярмарке до вечера: никто не хотел квартиросъемщиков, не способных заплатить даже за один месяц. Голодные, под разбушевавшейся метелью, они ждали, кто бы сжалился над ними.

Только к восьми вечера нашелся пожилой русский мужик в заплатанном тулупе. Оказалось, что мужик живет в хибаре. Он привел их к себе и показал комнатку:

– Туалет на улице! Руки можно мыть снегом, им же умываться. Воду в цистерне экономим для питья.

Захар и Николая отдали ему тысячу рублей, последние деньги, на которые нельзя было снять жилье даже на неделю.

Наутро явился сын хозяина с другом и выгнал их со словами:

– Все меняется, теперь здесь будем жить мы!

Опять замаячила улица Московская. Голод. Холод... Равнодушие прохожих, спешащих мимо и отворачивающихся от тех, кто нуждается в помощи.

У маклеров-посредников удалось выяснить, что для бомжей в Ростове приютов нет.

– Несколько бездомных в декабре замерзли на смерть, – сообщили парням. – Бесплатно никто не накормит. Если вы не гордые, идите в дом терпимости.

– Я не хочу заниматься проституцией, – сказал Николая. – Лучше замерзнуть и умереть.

Какая-то женщина пожалела их и написала на бумажке адрес:

– В притон не идите. Там вас за гроши продадут. Будете ублажать местных нуворишей. Они мальчишек любят. Идите по этому адресу. Дом саманный, хозяева – горькие алкаши, но хоть не на улице будете.

Адрес, который им подсказала добрая незнакомка, оказался за городом, где саманные хаты навалились друг на друга и потихоньку сползали в овраг.

В доме алкашей, куда явились непрошеные гости, изо рта валил пар, так как отопление и электричество отсутствовали, а хозяева находились в таком угаре, что даже не поняли, кто приехал.

Николя обнял Захара, и, укрывшись одеялами, они уснули на железной кровати. Днем хозяева немного протрезвели, попили огуречный рассол, но продолжали думать, что двое спящих – их дальняя родня.

Вслушиваясь в беседу, в которой доля русского литературного языка составляла не более одного процента, зато матерной лексики девяносто девять процентов, Захар с Николаем догадались, что хозяйка саманного домика лишена материнских прав и еще ей пришли повестки в суд за драки и мелкое воровство.

Николя и Захар справедливо подметили, что здесь им дадут по голове, а вещи, надетые на них, пропьют. Поэтому они покинули саманный домик у реки и отправились пешком в Ростов. Их преследовала метель и осознание своей ненужности этому миру.

Добравшись до города, парни начали просить милостыню, чтобы купить еды, но люди подавали неохотно, а некоторые даже ругали их за наглость.

– Работать надо, чего руки тянете, хуесосы! – проорала приличного вида гражданка в драповом пальто.

– Видишь этих полудохлых бездельников? – показал на них тростью седовласый старец. – Слушайся и выполняй

заветы родителей, если не хочешь помереть от голода, как собака!

Внук, на вид ученик младших классов, испуганно смотрел то на деда, то на замерзающих парней.

Студент в куртке с портретом Че Гевары высыпал из кармана монетки в ладони Николая. Подаяния вполне хватило перекусить. В ближайшей забегаловке, заказав кофе и пиццу, они повстречали Нелли. Виляя бедрами, к ним подошла дама, одетая не по суровой ростовской погоде: в мини-юбке, курточке с искусственным мехом и элегантной велюровой шляпке. Поправляя светлые локоны парика, дама с хрипотцой спросила:

– Скучаете, мальчики?

От нее веяло сигарами и дешевым парфюмом. В том, что это проститутка, у умудренных опытом Захара и Николая никаких сомнений не возникло. Николай уловил в голосе дамы мужские нотки.

– Не местные? – хихикнула дама. – Меня Нелли зовут.

– Что надо? – спросил Захар.

– Ничего, – манерно произнесла дама. – Видело, как вы побирались. Новое подкрепление прибыло в славный Ростов! Само так начинало когда-то. Но имейте в виду, все улицы поделены, работать без «крыши» нельзя.

– Мы заблудились, – сказал Захар. – Отогреемся и уйдем. Мы не по твоей части.

– Как к тебе обращаться – в женском роде или в мужском? – спросил Николай.

Нелли ловко протиснулась и села за их столик.

– Я – оно, – сказала дама и усмехнулась. – Тем и живу!

– Нас это не шокирует, – отрезал Захар. – У нас семья. Мы любим друг друга. – Он показал на своего спутника.

– Ах, – игриво вздохнула Нелли. – Как романтично! А я ведь сразу заметило, что вы не такие, как все. Это кровь, господа. Ничего тут не попишешь. Особенности мы люди.

– И давно ты в Ростове? – спросил Николая.

– Пятнадцать лет как приехало из деревни Грибница. Меня там не понимали, хотели убить, а здесь удалось наладить коммерцию.

– Догадываемся, в какой области... – засмеялся Захар.

– А что здесь плохого? – жеманно удивилась Нелли. – Одни доставляют удовольствие, другие за это платят! Вам, думаю, ночевать негде.

– Совершенно верно, – согласились любовники.

– У меня долго нельзя. Клиенты не поймут. Но сегодня устрою себе выходной, скажу, заболело. – Последнее слово дама в парике произнесла по слогам и зевнула: – Ну, не сидим у пустых чашек, идем ко мне. Супа горячего дам.

Захар и Николая поплелись за новой знакомой.

Квартирка Нелли располагалась в одном из серых невзрачных домов на четвертом этаже. Прихожая была тесной, какие и бывают в строениях времен генсека Хрущева. Одна комнатка, ванная и кухонька, где можно стоя, как лошадь, перекусить. Балкон был завален лыжами, мешками со старой обувью и разной утварью, которую русские люди за неимением просторных кладовок размещают именно там.

Заметив, что Николая рассматривает хлам на балконе, Нелли сказала:

– Вещички хозяйские, выкидывать не велели. Но я их разгребло немножко, покурить тропа есть. В квартире курить – ни-ни!

– У нас и такого жилья нет, – заметил Захар. – Платишь много в месяц?

– Половина от заработка уходит.

Единственное окно квартиры выходило на северную сторону, а потому здесь рано сгущалась темень и приходилось включать электричество. Абажур Нелли купила в

комиссионном магазине и раскрасила в китайском стиле, придав ему вид красного фонаря.

Кроме кровати в комнате стоял большой лакированный комод с ящиками. Ламповый телевизор пылился в углу на журнальном столике.

– Неужели он еще пашет? – изумился Захар.

– Иногда включаю, – ответила Нелли, слегка погрузнев. При гостях, которые не являлись ее пьяными или обкуренными клиентами, она почувствовала себя неловко, но быстро справилась с этим, взяв инициативу в свои руки.

– Ну-ка, – бодро сказала Нелли, – идите в ванную, а потом на кухню! Я пошло кашеварить!

– Здесь неплохо, – шепнул Николая Захару.

Они решили, что принять ванну вместе будет правильно. Ванна в доме была старая, длинная, из чугуна и вместила их в себя, как раковина морских моллюсков.

Нелли дала им махровые полотенца, а когда парни появились на кухне, там уже пахло приправами и лавровым листом.

Нелли перемещалась так, словно каждый ее шаг был танцевальным движением, она огибала сидящих на табуретках гостей подобно воздушному потоку и ворковала:

– Сейчас поедите, отоспитесь, а после придумаем, где вам перекантоваться. Не волнуйтесь, само бывало в таком положении и в беде вас не брошу.

– Слава богу, что мы тебя встретили, – сказал Николая. – А то бы замерзли на улице.

– Слава богу! – отозвалась Нелли, перекрестившись на угол кухоньки. В верхнем правом углу стояли на миниатюрной полочке-подставке две иконы: святая Мария и святой Николай.

Стуча ложками о тарелки и поедая горячий бульон, в котором плавали зерна перловки, горошек, зелень, минтай,

морковка и лук, Захар и Николая пересказали свою историю, закончив тем, что не вернутся обратно в Ставрополь.

– Ясное дело, – поддержала их Нелли. – Только помните: здесь не сахар. Деньжат срубить можно только в порту, на разгрузке. Но и там обман, не платят, что обещали. Без прописки в Ростове никакая другая работа не светит. Бесплатно никто не поможет. Народ нынче прижимистый, каждый над своим горем трясется.

Захар и Николая испытывали искреннюю благодарность к человеку, который, не зная их, привел к себе и накормил. Им было все равно, чем этот человек зарабатывает на жизнь, как одевается и какому Богу молится. Единственный совет, который позволил себе дать Николаю, касался велюровой шляпки Нелли.

– Шляпа прикольная, – сказал он. – Но я бы набросил на нее вуаль, как в немом кино. Понимаешь?

– А это идея! – захлопала в ладоши Нелли.

Несмотря на яркий малиновый маникюр, руки у Нелли были мужскими, грубыми. На вид ей можно было дать лет сорок пять. Широкоплечая, высокая, она от природы была рыжая и носила парик, чтобы прикрыть короткий ежик на голове.

История Нелли оказалась на редкость незамысловатой и трогательной: родившийся в ростовском селе мальчик отличался страстью к переодеванию в женскую одежду. Это вызывало недоумение соседней и приносило несчастья семье.

Священные книги осуждают переодевание в одежду противоположного пола. Набожность с развалом СССР в народе возросла. «Проклятый трансвестит!» – истошно кричали односельчане вслед Нелли.

В школе мальчик пытался доказать одноклассникам, что в переодевании нет ничего плохого, многие сюжеты

нордической и греческой мифологии выстроены на подмене мужского и женского образа.

И все же после нескольких нападений, закончившихся больничной койкой, подросток покинул родные места, чтобы оказаться среди чужих людей, не понимающих его так же, как и семья. Единственное преимущество заключалось в том, что город больше деревни, где все поголовно знают друг друга.

Бесправный, равно как и другие отличающиеся особенностями люди, будь то длинный нос, темная кожа, чеченская прописка в паспорте или отношение к ЛГБТ, парень был брошен на произвол судьбы.

– Вначале я попало в шалман, – сказала Нелли. – Хозяева плохо кормили, часто били. Но остаться на улице означало смерть. Сейчас никому не подчиняюсь, само на себя работаю.

– Почему ты взяла имя Нелли? – заинтересовался Николя.

– Конечно, в честь Апельсиновой девушки, Нелл Гвин! Она столько сделала для искусства!

– Если я не ошибаюсь, она выросла в публичном доме и до конца жизни не умела читать и писать? – спросил Захар.

– Это не помешало ей прожить потрясающую жизнь. Она играла в театре и стала любимейшей фавориткой короля Англии Карла II.

– Можно узнать, как тебя называли родители?

– Игорьь. – Нелли потупилась. – Но я всегда ощущало себя духовным гермафродитом, и, чтобы противоположности дополняли друг друга, мой выбор пал на женское имя.

Вкусный суп с минтаем был съеден. На десерт Нелли предложила ватрушки домашнего приготовления со сладким творогом и изюмом.

– Покажу вам сарай на берегу реки. – Нелли разливала какао по чашкам. – В сарае ночует бабка-алкоголичка. Остальные бомжи рядом ютятся, бабку уважают. Говорят, раньше она была учительницей! Можете к ним пристроиться. У меня никак нельзя. Клиенты.

Нелли положила на пол ватный полосатый матрас. Ночлег в теплом доме был подобен выигрышу в лотерею. Никто не хотел знать, что произойдет завтра.

Старуха, жившая в заброшенном деревянном сарае на берегу Дона, действительно не отказала им в постое. Сарай когда-то служил хлевом, в нем держали крупный рогатый скот. Как напоминание об этом, под ногами вперемешку с наледью лежала солома. Никакого намека на водоснабжение, электричество или удобства поблизости не было. Чтобы сходить в туалет, люди бегали летом в рощицу, а зимой по-простецки жались к сугробам.

Здесь, в новом жилье, было холодно, как на улице, зато бомжи разводили костер и пускали их погреться около огня. Костер в морозные дни поддерживали по очереди, собирая ветки и выламывая штакетины из заборов в ближайшем дачном поселке. Не дай бог огонь задует ветром! Бездомные жили как кроманьонцы – по безжалостным законам.

В сарае у старухи были сделаны настилы из дверец шифоньеров, заботливо принесенные невесть откуда. Кутаясь в одеяла, найденные на свалке, Захар и Николя смотрели сквозь разбитые стены на январские звезды, которые горели, как яхонты, и мечтали, что их жизнь однажды круто изменится.

– Я найду работу, – пообещал Захар. – Все наладится!

– Да, – поддержал его Николя. – Мы что-нибудь придумаем.

И они засыпали на краю ада.

Стужа обняла Россию, заморочила, и казалось, что долгую зиму не победить.

Захар по утрам подрабатывал в порту, где иногда требовались грузчики. Очередь из желающих разгрузить ящики собиралась с ночи. Зарплату платили черным налом, обсчитывали, а работа была тяжелая, денег едва хватало на еду. Пришлось продать мобильные телефоны.

Николя научился готовить на костре каши, бурлящие в алюминиевом котелке. Воду приносил из колодца или топил снег.

Парни подкармливали старую алкоголичку, которой, по легенде, принадлежал сарай. Без них она по нескольку дней голодала. Седая женщина безбожно материлась. Теплых рукавиц не снимала, равно как и тулуп, в котором обычно ходят пастухи.

– Эх, твою мать, красота! – Старуха благодарила возгласом за еду, жадно заглатывая пшенку с сосиской.

Захар в свой выходной прибил прочную клеенку на развалившуюся крышу сарая: снег перестал сыпаться внутрь, появилась иллюзия жилья.

Все пришлось покупать: молоток, гвозди, клеенку и посуду.

– Придет весна – посадим картошку, – вздыхали скитальцы.

– Эх, твою мать, покрадут, – хихикала беззубая старуха, кутаясь в шаль с мусорной кучи.

Может быть, и покрали бы, но мечты для обреченных гораздо важней, чем еда.

Разыскивая дрова, Николя думал о том, что когда-нибудь брат его простит и можно будет вернуться домой. За пару недель он оценил, что такое горячий душ, теплая комната в квартире и сон на мягкой кровати.

Выяснилось, что бездомные живут в нищете не по доброй воле, как иногда брехливо сообщали по телевизору,

списывая все на психологический феномен. Среди бомжей оказались бывшие учителя и даже один профессор! Это были инвалиды, обманутые дольщики, потратившие последние деньги на покупку жилья, признанного затем незаконным, обведенные вокруг пальца аферистами старики, сбежавшие из рабства беженцы. Официально – мертвые души, бродяги без паспортов. Им было хуже, чем нищим в Средние века под Лондонским мостом, хуже, чем клошарам во Франции, потому что приходилось выживать в суровых условиях русской зимы.

По определенным дням бездомные совершали вылазки на городскую свалку и полдня искали там подгнившие продукты и одежду, выброшенные средним классом. На свалке происходили столкновения с поселенцами. Так бездомные называли тех, кто построил тут из подручных материалов городок.

Вдвоем Захару и Николаю было не страшно в этом дьявольском месте.

Миллионы людей с девяностых годов влачили нищенское существование. Николай и раньше видел на улице бомжей, но проходил равнодушно мимо. Сейчас же его восприятие стало чутким. Так всегда бывает, когда боль касается тебя лично.

Добрести до городской свалки Николай решил вместе с бродягами. Бродяги ночевали в соседних заброшенных дачах и сараях. Домики давно покосились, стали горбатыми и были готовы рухнуть в любой момент. Они словно сошли с полотен Сальвадора Дали, фиксирующего момент падения.

– Хорош ли этот мир? – кряхтел небритый бомж Илья, опираясь на палку. Внешне он походил на Санта Клауса. На нем был дымчатый облезлый пуховик без капюшона.

– Меньше говори, силы береги, – одернул старика уголовник Казбек.

У Казбека на шее были вытатуированы кольца колючей проволоки, и Николая никак не решался спросить, что это значит, чтобы не получить в глаз, как это однажды случилось, когда по его недосмотру затух костер.

Кроме них на поиски еды на свалку отправились две женщины и девочка. Поговаривали, что оказаться на улице им «помогла» злая судьба: переписали имущество на невестку, а сын взял и умер. Одна из женщин была в летах, а другая, молоденькая, испуганная, все время задыхалась, ей требовались частые остановки, чтобы восстановить дыхание. Девочка лет восьми, идущая с ними, была закутана в платок, черный от копоти шин, которые жгли по ночам, когда не хватало дров. У молчаливой девочки были вязаные варежки. Пальтишко с чужого плеча не соответствовало размеру, и девочка весь путь поправляла рукава, сползающие вниз, как у Арлекина, плачущего на потеху публике. Бродяги всегда надевали на себя то, что находили или выменивали у других нищих.

– Весной и летом мы ловим рыбу, – сказал Илья. – Сейчас голодное время. Выживут сильные. Остальных заберет Хель.

– Кто? – удивленно спросил Николай.

Его сердце заколотилось, будто он на миг вспомнил нечто важное и сокровенное, а потом сразу забыл. В своей дубленке и шапке он казался остальным бездомным солидным господином.

– Видно, ты мало читаешь, – ответил на это старик, делая большие шаги. Палка помогала ему передвигаться с приличной скоростью.

– Я люблю книги, – ответил Николай. – Самостоятельно выучил испанский и французский.

Илья посоветовал:

– О викингх почитай, юноша. Как они жили, во что верили. Грубый мир воинов, в котором знали, что такое честь. Сейчас в людях нет ни веры, ни чести.

– Помолчал бы ты, оратор! – прикрикнул на него Казбек. Худой, в стеганом ватнике, в надвинутой на глаза кепке, уголовник производил удручающее впечатление. Казбек скомпрометировал себя наушничеством и не мог вернуться в родной край, справедливо опасаясь, что авторитетные люди посадят его на перо.

Николя старался идти медленно, так как от недоедания у него кружилась голова.

Примерно за два километра до цели из тумана появилась гора, которая по мере приближения приобретала внушительные очертания, словно несчастные внезапно оказались в заснеженных Альпах.

Казбек соколиным взглядом оценил обстановку и рванул вперед через мост, сообразив, что первый добравшийся до свалки имеет наибольший шанс найти что-то ценное. Николя, старик и женщины с девочкой отстали.

– Чуете? – спросил Илья, потянув носом. – Идет запах, несмотря на морозы. Летом за много километров слышно. На свалке все можно найти: металл, одежду, мебель, книги... Ртуть в градусниках, щелочь в аккумуляторах, просроченные лекарства – все под ногами... Трупы находят иногда. Я, например, всегда книги ищу.

Николя невольно вздрогнул, представив себе, что случайно наступил на мертвое тело.

– Правда, что тут целый город? – спросил он.

– Конечно, – закивали женщины. – Ты думаешь, чего мы по баракам ютимся? На большой свалке свои законы. Вся зона поделена. Поножовщина... Дерутся за банки и бутылки, их ведь можно чистить и сдавать, значит, вдоволь хлеба будет...

– Примерно раз в месяц, – продолжил Илья, – приезжают бульдозеры. Они разравнивают поселение. Рушат картонные домики. Затем поселенцы ждут привоза мусора и заново строятся.

– Куда смотрит государство? – Наверное, первый раз в жизни Николая задумался. – Как же власть допускает, чтобы на свалках появлялись города?

Ответом ему был общий невеселый смех. Улыбнулась даже бледная девочка, идущая рядом с бабушкой и мамой.

Старик сказал:

– Читай больше книг!

Николя стало стыдно. Он наивно полагал, то ли по молодости, то ли по глупости, что мир устроен иначе.

– Тут крысы размером с кошку. Огромные! Знаешь почему? – Илья, прихрамывая, шагал по хрустящему снегу. – Все отходы перемешаны между собой. Нет сортировки! Не хотят наши люди жить как европейцы!

– Мы не остались на свалке, – поддержали старика женщины, – хотя тут и с младенцами живут. Наше семейство выбрало заброшенные лачуги у реки.

– Ты, малый, мне нравишься. И брат твой работающий, – сказал Илья. – Казбек – вор, но не убийца. Все у нас неплохие люди.

Поскольку старик шамкал, оттого что зубов у него не было, последнее заявление прозвучало особенно комично.

Николя сказал бомжам, что Захар – его двоюродный брат, и все поверили. Только старуха алкоголичка качала головой и усмехалась.

На свалке был особенный день: приехали грузовые машины. Чтобы отыскать просроченные продукты, следовало проявить изворотливость. Нищие и бездомные приготавились.

Чайки кружили над мусорной кучей, как над пристанью. Плача и стеная, птицы высматривали корм. Как черная туча, оттесняли чаек вороны, недвусмысленно

намекая белокрылым крикунам, что они не единственные желающие полакомиться. Черные и белые птицы махали крыльями, налетали друг на друга, превращаясь на глазах в серый вихрь. За их бесцеремонными попытками занять лидирующее положение некоторое время наблюдал рыжий кот с буддистской ухмылкой. Затем он повел усами и, прижав лапой оперение с зелеными отблесками, вгрызся в полые кости.

Поселенцы покидали хостелы, выстроенные на свалке из картона и досок, и недовольно смотрели на конкурентов.

Николя подивился тому, что перед ним оказалось более сотни человек, среди которых немалую долю занимали чумазые подростки, оторванные от цивилизации вместе с родителями. В руках у одних были мешки, у других авоськи и пакеты.

– На старт! – скомандовал полный мужчина в шапке-ушанке.

– Кто это? – спросил Николя Илью.

– Это их лидер по прозвищу Медведь. Мы пойдем рыскать, когда поселенцы насытятся. Иначе война.

– Где справедливость? – спросил Николя, поглядев в пустую сумку.

Он надеялся найти хоть что-то, а теперь получалось, что им достанутся только остатки.

– Справедливость? – переспросила девочка в вязаных варежках. – Мама, о чем дядя спрашивает?

– Новенький он. Дурачок! Не обращай внимания, – шикнула на нее мать.

Казбек затесался в группу Медведя и, как только первые грузовики начали отъезжать, побежал к свежему мусору. Николя оторопел от такой наглости, но ничего больше спрашивать не стал. Видимо, воры здесь были в почете, пусть и бывшие. Остальные должны были ждать.

Закон свалки гласил: вначале – свои, потом – чужие. Лидер строго следил за этим.

Водители грузовиков не обращали внимания на бомжей. Они ссыпали содержимое из кузовов, поднимая пыль и отбросы в воздух, отчего куча становилась пышной и привлекательней для местных скитальцев.

Когда Медведь и его подданные отобрали все самое лучшее, к насыпи потянулись остальные.

– Берите, что надо, и проваливайте отсюда! – разрешил глава поселенцев.

– В глаза ему не смотри, – посоветовал старик Илья. – Медведь этого не приветствует. Смотри себе под ноги.

Николя послушался и вскарабкался на гору. Мусор, сброшенный на землю, манил неожиданными находками. Поселенцы распределяли стеклянные бутылки, картошку и металл, видимо, давно отточив промысел. Николя был растерян и беспокоился о том, что навыков поиска у него нет. Он искренне обрадовался, увидев, что девочка нашла пачку печенья. Почему печенье не взяли поселенцы? Может быть, не заметили.

Илья и женщины выискивали гнилой картофель: жители свалки его не брали, брезговали. Николя, разворошив мусор, достал французский сыр с плесенью в открытой коробочке и несколько носовых платков в упаковке.

«Voilà! – подумалось ему. – Boutique!»

Атласные платочки были новыми.

Движения рук сделались ловкими, появился азарт, и, сам не замечая как, буквально через пару минут Николя с наслаждением перебирал битую посуду, очистки и завязанные узлами пакеты. Поселенцы оставили большую часть пакетов нетронутыми, видимо по опыту зная, что золота и бриллиантов в них не отыскать. Николя решил не сдаваться, а исследовать все, что получится.

Его окликнул Казбек:

– Эй, ты! Назад давай!

– А? – Николая очнулся от запаха гари.

Поселенцы разожгли костер и в железных ведрах готовили обед.

– Хрен на! – оскорбительно гаркнул уголовник. – На выход! Мы уходим.

– Да, сейчас. – Николая решил не злить его. Кровоподтек еще с прошлого «учения» не зажил, не хотелось напрашиваться на новые оплеухи.

Вылезая из закутка, где рылся, Николая почувствовал, как под ногой что-то хрустнуло. Он разволновался, вдруг это нечто ценное. Подняв деревянный коробок с металлической ручкой, Николая недоуменно на него воззрился. Коробочка никак не хотела открываться. Он крутанул металлическую ручку вправо. Раздалось слабенькое «дзынь», крышка откинулась, а внутри ящичка закружился белый единорог с золотыми копытами.

«Динь-динь-динь, – пела музыкальная шкатулка, – динь-динь-динь...»

Музыкальная шкатулка, без сомнений, была повреждена. Но эта совершенно бесполезная находка обрадовала Николая больше всего. Украшением шкатулки служил нарисованный на крышечке лотос с семью лепестками.

– Господи, помоги! – обращаясь к Богу, прошептал Николая, сунув шкатулку в карман дубленки. – Если это окажется волшебный цветок, я загадаю на все лепестки, чтобы вернуться к Уле вместе с Захаром.

Это казалось невозможным. Даже здесь, среди бомжей, приходилось тщательно скрывать личные отношения, называясь двоюродными братьями, бежавшими от родителей за провинность. Опустившиеся на самое дно люди осуждали отношения между мужчинами как нечто мерзкое и отвратительное, называя подобные браки

грязными и сравнивая партнеров с обезумевшими животными.

Узнай Казбек о них как о паре – не проснуться им живыми. Николая это отчетливо понимал, шагая рядом с Ильей и девочкой. Они возвращались к сараям на другую сторону реки.

– Посмотри, что я нашла! – похвасталась девочка.

В ее руках Николай разглядел верхнюю часть туловища Барби. Ног у куклы не было, словно их оторвало снарядом. Обнаженная пластмассовая грудь и растрепанные мокрые волосы белого цвета – вот и все, что показала ему девочка.

– Мы сделаем ей красивое платье, – пообещал Николай, вспомнив о найденных носовых платках. – Она станет настоящей принцессой!

Маленькая нищенка ликующе засмеялась.

Лежа на шифоньерных дверцах, прикрытых мешками и тряпьем, Николай показал Захару свою находку. Старуха алкоголичка ворочалась в противоположном углу. Посередине сарая горела самодельная коптилка – в банке из-под детского питания. Ее зажженный фитиль мерцал в темноте, как живая душа.

– Интересная вещица, – сказал Захар, слушая звуки, издаваемые шкатулкой. – Завораживает.

– Я думал над тем, что нужно возвращаться домой, – кутаясь в дубленку, прошептал Николай.

Изо рта шел пар. Долго жить в таких условиях опасно: можно заработать воспаление легких.

– Куда мы пойдём? – спросил Захар. – К твоим или моим? Твои родные закопают нас на болоте, а мои сдадут властям, оклеветав с ног до головы.

– Мне хочется взять в руки ружье и всех перестрелять.

– Даже наших соседей-бомжей?

Николя задумался, и злость начала проходить.

– Нет, бомжи не виноваты, что их довели до такой жизни...

Снег падал на крышу и скатывался по клеенке вниз; костер, горевший неподалеку, собрал вокруг себя нищих, и было слышно, как они переговариваются и гремят чайником.

– Завтра проведем Нелли, – решил Захар.

– Почему Нелли занимается проституцией?

– Она и нам предлагала. Это мы отказались. Дураки!

– Нет, нельзя. – Николя даже привстал, чтобы заглянуть в глаза Захару. – Мы принадлежим только друг другу. Я не вынесу, если до тебя дотронется другой мужчина!

– Успокойся, никто, кроме тебя, мне не нужен.

Засыпая, каждый думал о своем. Николя вспоминал бабушку Улу и молился невидимому Богу, чтобы в семье не случилось несчастья и никто не умер до его возвращения.

Захар тяжело вздыхал. Ему пришлось нелегко: он таскал на морозе тяжелые ящики. Грузчикам платили половину от причитающихся копеек. Возмущаться нельзя – избыют и прогонят.

– Целый класс рабов воспитали! – неожиданно вырвалось у Захара.

– Что? – не понял Николя.

– Мы боимся сказать слово тем, кто занимает высокое положение. Тем, кто распоряжается жильем, работой, властью.

– Спи, – сказал Николя. – Завтра идти пешком до города, копи силы.

Нелли встретила их радушно, угостила жареной картошкой, которую все любили. На картошку жадно набросились, и через пять минут чугунная сковородка была дочиста выскоблена и вымакана хлебом.

На лице Нелли чернели усы и борода: она их не сбрила, чем вызвала расспросы.

– У меня неприятности, – отмахнулась проститутка. – Угрожали убить.

– Часто угрожают? – Николая решил вымыть посуду и гремел в раковине вилками и сковородой.

– Бывает. – Нелли закурила красный «LD». – Но на этот раз все серьезно. Не ходите ко мне ближайшее время.

– Что случилось?

– Дело в том, – поведала Нелли, забросив ногу на ногу и восседая на табуретке, как на троне, – что в городе есть шалман. Всем заправляет грузинская мафия. В основном там добровольно трудятся, но недавно они отловили простодушного парня. Запугали, хорошенько избили и заставили работать без денег. Милиция в такие места если и заглядывает, то только в качестве VIP-клиентов. Мне по секрету товарка нашептала, что парень хотел сбежать, а его за это едва не придушили. Я подбило товарку стащить ключи и дверь открыть. Она вначале отнекивалась, но затем пожалела парня. Он пару дней здесь перекаптался, переоделся дамочкой и удрал. Документы у него забрали, поэтому домой отчалил не на поезде, а на попутках. Обещал позвонить.

– Позвонил? – спросил Захар.

– Еще нет, жду. Но вчера ко мне подошли на улице и сказали, что знают о моем вмешательстве в чужие дела. Пригрозили, что отвечать придется.

– Может, тебе уехать?

– Сколько можно бегать? Из родного села убежало, из другого города убежало, сейчас отсюда бежать... Будь что будет! Ладно, хватит о грустном! Давайте веселиться!

Нелли включила музыку. Николай любил восточные танцы, и сразу начал пластично изгибаться и делать мягкие кошачьи шажки. Его руки переплетались, манили

и отталкивали, волосы рассыпались по спине и плечам шелковым водопадом.

– Прелестник! – Нелли шутливо пихнула Захара. – Тебе повезло!

Захар как замороженный смотрел на Николая и приходил в ужас от мысли, что раньше ему нравились женщины. Сейчас мир изменился настолько, что спроси его – кто он, Захар не раздумывая ответил бы, что стопроцентный гей.

– Кто научил тебя так двигаться? – спросила Нелли, после того как целый час наблюдала соблазнительные танцы.

– Сам научился, – ответил Николай. – В Пакистане и Афганистане мальчиков из бедных семей часто берут в сексуальное рабство. Юные рабы живут при хозяине и танцуют восточные танцы. Одевшись как девочки, с накладными волосами и накрашенными губами, мальчики кружатся под пищалки и зурну, виляя бедрами. Это течение называется «Бача бази», и никто не знает, сколько ему веков. Последнюю тысячу лет оно особенно популярно на Востоке.

– Что привлекло тебя в этом? – одновременно удивились Нелли и Захар.

– Я захотел почувствовать себя бача бази, узнать, каково это – танцевать женские танцы, не выбирая судьбу, идя навстречу желаниям господина.

– И что же ты понял? – подняла брови Нелли.

– Что мне это нравится, – рассмеялся Николай.

Назад возвращались поздно. В руках был сверток с едой, а на душе – недобрые предчувствия. Все бездомные знают, что надолго оставлять свой приют нельзя: место может оказаться занято. Преодолев семь километров, Захар и Николай обнаружили у сараев, стоящих у величественной реки Дон, которую почитали и скифы, и хазары, новую группу, прибывшую невесть откуда.

Трое рослых мужчин в черных куртках прогнали всех от костра, разведенного в яме, и завладели котелком с гречневой кашей – ужином старика Ильи, женщин и девочки. Черпая ложками чужую еду, они деловито переговаривались, и единственный, кто к ним подсел, был Казбек. Ему они позволили немного поесть.

У пришедших было с собой самопальное оружие – обрез. Им они пригрозили бомжам, если те сунутся к костру погреться.

– У нас тут дела, – заявили мужики.

– По-моему, это уголовники, – сказал Захар Николая.

Парни пошли к сараю как можно быстрее, намереваясь проникнуть внутрь и спрятаться среди тряпья.

– Эй, вы! – заорал Казбек. – Явились! Ну-ка, идите сюда!

Пришлось подчиниться.

– Кто вы такие? – спросил рослый незнакомец, ковыряясь в зубах пальцами.

– Недавно прибыли, – отрекомендовал их Казбек. – Не местные. Могут быть полезны, если понадобится принести воды или дров.

– Как звать? – продолжил допрос мужчина, нарезая булку замерзшего хлеба. Февральская погода сделала из хлебной буханки настоящий кирпич, который едва поддавался острому лезвию ножа.

– Насух, – представился Николая, – а это мой двоюродный брат Захар.

– Насух? – загоготали мужики. – Нерусский, значит?

– Почему? – обиженно ответил Николая. – Русский...

– Жратва есть?

Захар и Николая переглянулись и покачали головами.

– А в сумке что? Быстро дать сюда!

Не дожидаясь, пока парни отдадут свою сумку, один из чужаков вскочил и вырвал ее. Припасы, заботливо сложенные Нелли, посыпались на снег: колбаса, булочки и конфеты.

– Со лжи начинаете? Нехорошо! – подыграл бандитам Казбек.

– Это наше! Мы бабке несли и девочке! Здесь тоже люди есть! – сказал Захар.

– Ты, я смотрю, больно дерзкий. – Нарезавший до этого хлеб уголовник прошелся рядом с ребятами. – На первый раз прощаю, а затем отвечать по-другому будешь. Понял?!

Он сунул Захару под нос лезвие ножа.

Николя готов был отдать последнее, лишь бы их не трогали.

– Шапку и дубленку сюда! – раздалась команда.

Николя начал снимать одежду.

– Нет! – Захар загородил его собой. – Не позволю!

Но его тотчас скрутили, несколько раз ударили под дых и отобрали не только дубленку, но и вязаную шапку, над которой в свое время трудилась бабушка Ула.

– Бартер! – сказал уголовник с ножом и, надев на себя дубленку, бросил свою черную демисезонную куртку под ноги Николая.

Парни пошли в сарай.

– Завтра на свалке найдешь себе новую шапку, – то ли утешил, то ли съехидничал им вслед Казбек.

Опустившись на шифоньерные доски, Николая заплакал.

– Когда ты слаб и беспомощен перед проходимцами, это страшней всего, – сказал он Захару.

– Нам нужно продержаться до весны, – отозвался Захар. Он уже давно носил одни и те же джинсы и рваную куртку. Спасали три свитера, надетые один на другой.

Старуха замычала в углу, но еды не было, все отобрали. Пришлось извиниться, сославшись на уголовников.

Сквозь щели сарая было видно, как девочка с мамой подошли и разговаривают с мужчинами, но те не предложили им еды, разрешив только постоять у огня.

Крутых перемен новым утром прибавилось. По словам деда Ильи, уголовники бежали из ростовской тюрьмы и решили пересидеть здесь, пока не потеплеет.

Силой, которой не было равнозначного ответа, беглые воры и убийцы признали только Казбека, все остальные автоматически считались низшей кастой.

Проверив соседние амбары, сараи и дачи, уголовники выбрали себе самый пригодный дом и забрали у Николая и Захара все инструменты, покрывала и матрасы, чтобы сделать себе постель. Клеенку с крыши тоже стянули под хихиканье и улюлюканье Казбека.

– Так вам! Будете знать, кто здесь главный! – потирал он руки, прислуживая новопривышим.

Работать отныне приходилось больше, а есть меньше. Поселившиеся рядом уголовники напивались и били всех, кто попадал им под горячую руку. Несколько раз ребятам с трудом удалось оттащить от них старика Илью, которому попало за отказ делиться табаком.

Женщины и девочка, не выпускающая из рук куклу-принцессу в платье из носового платка, ушли жить к поселенцам. Суровый Медведь сжалился и приютил их у себя.

Николай и Захар не могли бросить безумную старуху. Пряча сухари по карманам и рукавам, они научились между приказами уголовников кормить ее и таким образом спасли от неминуемой гибели. Иногда ребята выводили бывшую учительницу посидеть у костра. Поскольку теперь все заботы о готовке лежали исключительно на них, им позволялось крутиться у огня.

Старуху уголовники хотели убить, но ребята отстояли ее жизнь игрой в карты. Захар сыграл с одним из беглецов в дурака и выиграл.

– Ладно, – процедил уголовник. – Убивать пока не будем. Но пусть сидит в своем углу как мышь и не высывается.

В конце февраля Илья захворал, у него пошла горлом кровь. Он все больше лежал, и, хотя никто не произносил этого вслух, парни ждали, когда старик простится с миром. Ему приносили чай в алюминиевой кружке, и Илья грел об нее ладони и прижимал к груди, словно грелку.

– Боюсь, не дожить мне до марта, – бормотал он. – Небо такое роскошное, бирюзовое, смотришь в него – и чувствуешь, как душа тянется к Господнему престолу. Помню, будучи ребенком, я лежал в одуванчиках, смотрел на облака. Тогда все казалось мне таким возможным, преодолимым, а сейчас я не уверен, что протяну еще пару дней.

– Протянете, – утешал старика Николая. – Мы за вас молимся.

– А я знаю секрет, – сказал ему Илья и улыбнулся.

Николай тотчас вообразил, что у старика где-то есть клад и тот перед неминуемым ликом смерти укажет заветное место. Тогда дела пойдут на лад, они убегут отсюда и снимут жилье...

– Где сокровища? – спросил Николай.

– Сокровища?! – Илья закашлялся от смеха. – Я знаю, что вы никакие не братья с Захаром! Вы любовники!

– Тс-с-с! – Николай прижал палец к губам. – Тише, умоляю! Если узнают, нас убьют.

– Стоило для этого бежать в такую дыру? Оглянись вокруг, дружок! Есть ли ценность в том, чтобы жить с мышами и уголовниками, питаться со свалки и все равно не иметь возможности любить друг друга?

– Мы вместе, – возразил Николай. – Секс – это не главное. Сейчас мы рядом. Там, откуда мы убежали, нас бы разлучили.

– Мне всегда приятно смотреть, как вы заботитесь друг о друге. Счастья вам! Пообещай мне, что ты будешь больше читать.

– Буду, – пообещал Николая, укрывая старика одеялами и мешками.

Ночью разыгралась буря. Ветер у реки выл подобно обезумевшему от одиночества волку. Костер потух. Развести его заново не было никакой возможности. Беглые уголовники, которые каждый день пили и дрались, вели себя очень воинственно. Ограбив в пригороде ювелирную лавку, они крепко повздорили: бросались друг на друга, грозились всех порезать, а затем ввалились в сарай к Захару и Николаю.

Николай испугался и спрятался за сумасшедшую старуху. Дерущихся мужчин, рискуя собой, полез разнимать Захар. Сарай трещал от ветра и холода, а внутри шла потасовка.

Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы не нагрянула ростовская милиция, которая в эти злачные места никогда ранее не заглядывала. Видимо, в поиске пропавших из лавки украшений представители закона неожиданно решили выполнить свой долг и примчались на уазиках.

Началась перестрелка.

В поднявшейся суматохе Николая, старуха и главный уголовник выскочили из сарая и побежали сквозь метель, утопая в сугробах. Повязали Казбека и двух других уголовников, надавав им милицейскими дубинками по почкам, а затем сковав наручниками. Захара тоже схватили. У него не было паспорта. В целях сохранности документы парни оставили у Нелли. Однако в участке никому до этого не было дела. Захара продержали в милиции сутки, затем отпустили. Из разговоров милиционеров Захар узнал, что ими был обнаружен труп бомжа с бородой, и понял, что старик Илья отдал Богу душу.

Выйдя из участка, Захар встретил Николая, на котором из одежды остались только свитер и спортивные штаны.

– Бабка бежит как заяц! – вспоминал вчерашнюю ночь Николая. – Ускакала, только ее и видели. А я за ней! Сейчас она пошла к поселенцам. К Медведю. Наш сарай завалился, жить больше негде. Илья умер, его увезли в морг.

– Повезло. Иные по месяцу неприкаянными лежат, – вспомнил несколько инцидентов Захар. – Хорошо хоть земле предадут. Царствие Небесное ему.

Они перекрестились.

Как и для других бомжей, последним пристанищем Ильи стала безымянная могила.

Надвигалась последняя февральская ночь, мороз сковывал землю, словно весна не должна была вот-вот появиться на пороге.

Решили идти пешком к Нелли. Говорить старались мало, чтобы от усталости и голода не упасть в обморок. Когда оставалось пройти всего два квартала, мимо пронеслась «скорая помощь», но они не придали этому никакого значения.

У подъезда Нелли, несмотря на мороз, толпились соседи.

– Я услышала грохот, – рассказывала какая-то женщина в норковой шубе.

– Вы знали, что она занималась проституцией? – спрашивал седовласый господин, опираясь на трость. Его поддерживал под локоть внук-школьник.

– По очереди докладывайте. – Молоденькая девушка в милицейской форме что-то записывала в блокнот.

– Я услышала крик! Будто кто-то кого-то отталкивал, а затем мимо окна раз – и пролетела... – Бойкая старушка пробилась вперед, чтобы стражи порядка выслушали ее.

– Что произошло? – побелевшими губами спросил Николай.

– Тело нашли. Думали, баба, а это мужик в парике. Похоже, его сбросили с балкона, – хихикнул внук-школьник

и спрятался за пожилого господина и женщину в норковой шубе.

– Да как ты смеешь... – замахнулся на него Николая.

– Не трогайте ребенка, – прикрикнул седовласый старец. – Он все верно говорит. Жили у нас тут проститутки, а теперь дом очистился. Хвала Господу!

Толпа начала рассасываться, люди уходили, замерзнув в домашних тапочках и халатах, остались только самые морозостойкие.

Тело Нелли работники скорой помощи положили в черный мешок.

– Это вы из Ставрополя? – спросил кто-то сзади.

Они оглянулись. Женщина средних лет с ярким макияжем робко переминалась с ноги на ногу.

– Мы, – ответил Захар.

– Пойдемте, разговор есть.

Женщина вывела их из дворика, где, словно укрытые саваном, стояли замерзшие пятиэтажки, и провела по улочке в кафе.

– Глинтвейн и булочки с сосисками, – заказала она.

Захар и Николая повеселели.

– Вчера Нелли звонила. Кто же знал, что так будет... Но она предчувствовала... А я работаю, занята по уши. Но пришла к ней. Она отдала ваши документы. Сказала, если что случится, найти вас и отдать. Описала внешность. Я ваши паспорта даже из сумки вытащить не успела. Так и лежат.

– А что сегодня произошло?

– Говорят, у нее был буйный клиент. Никто и разбираться не станет. Был человек – и нет человека...

– Пойдешь на похороны? – спросил Николая.

– Разве они будут? – Женщина пожала плечами. – Квартиру опечатают, труп зароят. Будем помнить его... или ее, как кому нравится, красивой.

Булочки с сосисками были съедены за помин души Нелли.

Женщина, так и не представившись, отдала им паспорта и ушла.

– Мы здесь умрем, – сказал Николая. – Станем пылью на улицах этого города.

– Да, – согласился Захар. – Ты прав. Давай сегодня переночуем в ближайшем подъезде, а завтра попробуем выбраться отсюда.

Утром парни остановили такси и сказали, что им нужно в поселок Аврора. Таксист немало удивился: ехать более трехсот километров, а денег у клиентов явно нет.

– Расплатимся на месте, – пообещал Николая. – Вы, главное, нас довезите.

Таксист, мужчина лет сорока, выехал на трассу Ростов-на-Дону – Ставрополь. Отъехав от города километров десять, он задумался:

– А если вы мне лапшу на уши вешаете? Кто мне заплатит за работу?

– Мой брат, – ответил Николая. – Как приедем, он деньги отдаст.

– Хорошо, – согласился таксист. – Давай мне телефонный номер брата. Если он все подтвердит, повезу, если нет – нет. Не могу же я гнать машину за триста верст, не зная, что меня ждет!

Разумеется, обещание Николая было выдумкой и позвонить он никуда не мог.

– Вам заплатят, – уговаривал таксиста Захар. – Честное слово.

– Ты уверен? – разъярился таксист. Остановил машину и приказал: – Проваливайте отсюда!

Захар и Николая оказались на заснеженной трассе.

– Ах так, значит! Да пошел ты на хер! – кричал Николая вслед машине, растворяющейся в надвигающемся урагане.

Пройдя пару километров, парни так и не смогли поймать попутку до Ставрополя. Все водители равнодушно проезжали мимо.

Населенные пункты пропали из поля видимости, и только дорожные знаки время от времени оповещали о том, что Захар и Николая находятся между городами. Они шли вперед на голом энтузиазме. Ветер хлестал по лицу жестким зернистым снегом, отчего слезились глаза. Легкая одежда не спасала от ледяных порывов, пробирающих до костей. Непослушными пальцами Николая вынул из пачки сигарету. Пока он тщетно пытался прикурить ее тремя последними спичками, Захар отважился сходить в туалет.

– Что за ерунда? – недоуменно воскликнул Захар, обнаружив кусочки льда в нижнем белье. – Кажется, у меня там все замерзло.

– Угу. – Николая настойчиво чиркал драгоценными спичками, которые с легкостью задувались ветром.

С трудом они добрались до заправки. Рядом с ней располагалось придорожное кафе. На заправке трудились мигранты – таджики и узбеки. Парни попросили телефон, чтобы позвонить. Им разрешили.

Николая дрожащими руками набрал по памяти номер Короля-Эльдара. Длинные гудки множили неизвестность. Наконец трубку на другом конце подняли, и он услышал знакомый голос:

– Кто смеет?!

– Я, – залепетал Николая, задохнувшись от радости и страха одновременно. – Это я, Насух... Если я вам дорог, приезжайте. Мы на краю гибели. Мы голодные. Уж лучше ты нас убьешь, чем мы замерзнем в снежном аду.

Старший брат молчал. Несколько секунд показались Николая вечностью. Он тоже молчал. А затем сказал:

– Мы на трассе Ростов – Ставрополь. Примерно в пятнадцати километрах от Ростова. Здесь заправка и кафе.

Король-Эльдар ответил кратко:

– Приеду!

Рабочие на автозаправке, невольно ставшие свидетелями разговора, не сговариваясь, порылись по карманам и дали парням немного денег. Захар и Николая купили сэндвичи с ветчиной и, сидя за столиком в кафе, вспоминали, как питались на свалке и жили в сараях на берегу реки.

Через три часа приехал Король-Эльдар и, не сказав ни слова, открыл дверцу «тойоты». Всю дорогу он молчал, и Николая с Захаром не проронили ни слова, держась за руки на заднем сиденье.

В Авроре их приняли как дорогих гостей. Бабушка Ула напекла пирогов с капустой и мясом. Подросший Тимур с младшими сестренками просились на руки и показывали игрушки. Николая сказал, что они с Захаром любовники и никогда не расстанутся. Лиана, осознав, что это не просто слухи, упала в обморок, остальные оказались сдержаннее. Король-Эльдар сразу ушел, не желая принимать участие в празднике по поводу возвращения блудного брата.

Бабушка Ула обняла по очереди Захара и Николая:

– Что бы вы ни делали, я все равно люблю вас, внуки!

Но печаль была неизбежна: у отца обнаружили рак. Болезнь прогрессировала, и врачи дали не больше месяца. На днях, еще не подозревая, что Николая вернется, отец заставил Короля-Эльдара поклясться на Коране, что тот никогда не причинит зла младшему брату.

«Такова моя предсмертная воля», – написал отец на листке бумаги.

Король покорно склонил голову и торжественно произнес клятву, скрепив ее именем Аллаха.

Отдохнув несколько дней в уютном доме на свежих простынях, где постоянно пекли и варили, Захар в сопровождении членов банды Короля-Эльдара уехал. Ему захотелось обнять мать и сестру, чтобы они узнали – он жив.

Николя считал часы до его возвращения и сочинял стихи:

Я не могу жить без тебя, я ем и не чувствую вкус пищи,
когда ты далеко.

Я смотрю на мир, но мои глаза слепы, словно пелена окутала их.

Я пью воду и не могу ощутить влаги без твоего присутствия.

Ты – половина моего сердца, моя душа не живет без твоего тела.

Через неделю Захар вернулся с вещами и привез два серебряных перстня. Оставшись вдвоем, они прочитали молитву о любви и обменялись кольцами.

Король-Элдар снял им комнату в Ставрополе подальше от родственников и общих знакомых.